

18+

МИХАИЛ ПРЯДУХИН

В ТЕНИ БОЛЬШИХ ВИШНЕВЫХ ДЕРЕВЬЕВ



Михаил Леонидович Прядухин
В тени больших
вишневых деревьев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41610358

ISBN 9785449643353

Аннотация

Книга рассказывает о войне в Афганистане глазами рядового срочной службы, простого парня, волею судьбы попавшего туда. О том, как он столкнулся с реальностью войны, и как его наивный детский мир рухнул, столкнувшись с ней.

Содержание

Глава I	5
Глава II	26
Глава III	44
Глава IV	72
Глава V	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**В тени больших
вишневых деревьев**

**Михаил Леонидович
Прядухин**

© Михаил Леонидович Прядухин, 2020

ISBN 978-5-4496-4335-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Была ранняя весна, был ночной звонок, слова, прозвучавшие в ночи: «Серый, ты крепись – мать умерла...». Потом, были ночные сборы, и поездка в родную станицу. Потом, был гроб, с телом матери, которую он, поначалу, даже не узнал, так сильно исказили черты ее лица, холодные лапы смерти. Потом, он ходил бездумно по улице, зябко пожимая плечами – промозглая, сырая, ранняя весна, все время забиралась к нему, под тоненькую куртку. Потом, он увидел старенький забор, и вспомнил, что когда то, давно давно, возле него, стояла лавочка, которая по весне пряталась под тенью больших вишневых деревьев...

Он вспомнил, как вся улица, по вечерам, собирались на ней всей частной гопкомпанией, веселясь новой весне и своей юности, как они ее удлиннили, потому как уже не хватало места для всех желающих. Он вспомнил как сидел на ней, в последний вечер, перед тем, как отправиться в армию. Вспомнил и то, что там, в Афгане, с ним мысленно, почему-то, всегда была эта лавочка, укрытая тенью больших вишневых деревьев, и мама, которая выйдя поздно вечером на улицу, звала его:

– Сергей! Иди домой! Завтра рано вставать, в школу.

А он, затушив бычок о край лавочки, кричал из темноты в весенний, теплый, наполненным ароматом цветущих дере-

вьев воздух:

Ща ма, иду!

Теперь не было ни деревьев, ни лавочки, ни мамы...

Когда он вернулся с Афганистана, то еще почти год кричал по ночам, но только уже не: «Ща ма, иду!» – это уже были, совсем другие крики, в которых и в помине не было, той беспечности и радости жизни. На эти возгласы из его спальни, прибежала мама, и тревожно спрашивала:

– Что случилось сынок?

А он, проснувшись от своего крика, отвечал:

– Да все нормально, иди спать мам.

Она его поначалу спрашивала:

– Ты хоть что нибусть расскажи Сережа, что там было?

Но он отмалчивался, или переводил разговор на другую тему. Поняв, что ничего от него не добьется, мама больше не тревожила его этими вопросами. Теперь, ее не стало... Так Сергей ей ничего и не рассказал...

Уже прошло тридцать лет с тех пор, как он вернулся с Афгана – целая жизнь, и время, великий лекарь, незаметно, день за днем, затянуло раны в душе Пожидаева, а из памяти стерла многие лица и имена. И уже не снятся сны, которые долгие годы преследовали Сергея, когда его вновь и вновь забирали в армию, а он, доказывал всем, что уже хапнул своего с избытком. Но ему не верили, и все равно везли в БТР-е, по бетонке, в 12-й Гвардейский мотострелковый полк, и он, просыпался посреди ночи в холодном поту, потом осознав,

что это всего лишь сон, успокоившись, засыпал снова...

* * *

БТР неся по бетонки в 12-й Гвардейский мотострелковый полк, что в восемнадцати километрах от Герата. Восемь независимых колес существенно сглаживали неровности дороги, и на большой скорости, машину раскачивало как катер на волнах. Сергея на броню не пустили – еще не по ранжиру, и он наблюдал открывающийся ему пейзаж, сквозь узкую створку бойницы. Повсюду была терракотовая, солнцем выжженная земля, усыпанная острыми камнями, и если бы не одинокие, засохшие, то тут то там, торчащие из земли верблюжьих колючки, то можно было подумать, что машина едет по поверхности Марса. Вздвигающиеся со всех сторон красно-коричневые сопки, тоже наводили на эти мысли, а лежащие сплошь и рядом, по обочинам дороги, сгоревшие остовы различной военной техники, и еще чего-то, добавляли эффект прошедшей звездной войны.

На место постоянной дислокации полка, они приехали после отбоя, и сопровождающий молодых солдат прапорщик, повел их в палатку карантина. Показав им их кровати, он испарился ненадолго, чтоб появиться с термосом для пищи в одной руке, а в другой руке, у него была коробка. В бачке оказалось толченая картошка, заправленная комбижиром, вперемешку с черными глазками, а в коробке, килька в томатном соусе, и хлеб. Сергей толком не ел уже почитай как

две недели, а горячую пищу принимал последний раз еще в учебке. Да, ... тридцать лет прошло с тех пор, но ему никогда не забыть вкус той картошки и кильки в томате – ничего вкуснее он не ел, ни до этого, ни после.

В палатке карантина, стоящей особняком, от расположения войск, ежедневно наблюдалось паломничество со всех подразделений полка – искали земляков. На второй день пребывания Сергея в карантине, вечером в палатку зашел высокий, широкий в плечах, красивый парень. Сильно бросалось в глаза и то, что он выглядел гораздо старше всех остальных. Его звали – Саша Антонов, он был из города Кропоткина Краснодарского края, но все равно это считалось, что с Краснодара. Да и вообще, будь ты хоть с Белой глины, что на окраине края, все равно ты – «Краснодар». Уже позже, Сергей узнал, что за избиение офицера, его выгнали с четвертого курса военного училища. Чуть-чуть не сев в тюрьму, он попал, в качестве наказания, в Афган, в пехоту, срочником, и в звании рядового.

– Есть кто с Краснодара? – спросил он.

– Да, – ответил Пожидаев, и встал с кровати.

– Надо же, два года отслужил, ни одного земляка, а тут, вот-вот домой на дембель, и нате – земляк. А откуда конкретно?

– С Динской.

– А я с Кропоткина, – и зная проблему молодых солдат, добавил, – хавать хочешь?

– Угу, – промычал Сергей.

– Тогда пойдем ко мне в роту...

В 7-й роте, куда привел Пожидаева земляк, потому как с ним разговаривали сослуживцы, было видно, что Саша в авторитете. Угостив Сергея всякими «ништяками» из магазина, и поговорив, в общем то ни о чем, земляк спросил:

– План куришь?

– Конечно, – ответил тот, и заулыбался.

Дело в том, что Пожидаев не был пай-мальчиком, и курил план уже с восьмого класса. Хотя, в те времена в СССР, мало вообще кто употреблял наркотики, кроме союзных, азиатских республик, и только Краснодарский край грешил этим. Антонов достал плюху чарса*, и разогрев ее зажигалкой стал кропалить.

– Со дня на день я на гражданку, – продолжил он разговор, – и по этому, поддержку тебе дать не смогу. Но запомни главное: никогда не позволяй себя унижить. Никогда не стирай чьи либо носки или ХБ, не бегай за сигаретами, и не носи пайку дембелям, или еще что-то подобное. Шуршать все равно тебе придется первые полгода, и пиз... й не раз будешь выхватывать, но главное – держи марку, если упадешь, обратно подняться будет практически невозможно. За оружие не хватайся – могут забить до смерти, а если уж взял автомат в руки – то делай красиво. Своим по призыву вообще ни в чем не уступай, если убирать в палатке, то вместе, таскать снаряды тоже, ну и все остальное в том же духе.

Серый сидел и слушал, открыв рот, он никак не мог понять, о чем это Саня говорит, ведь война вокруг, а он такое плетет. У него было такое впечатление, что он на зоне, а авторитет ему рисует: что почем – хоккеей с мячом.

– И запомни еще: как бы не было тяжело, никогда не стучи шакалам*, если стуканешь – зачморят*, и не вариант будет вылезти. Трудно будет первые полгода, потом полегче. Трудно, но не смертельно, не ты первый и не ты последний. Ладно, пойдем в курилку хапнем.

Это был первый и последний разговор Саши Антонова с Пожидаевым, через день он улетел в Союз. Много потом будет встреч, знакомств, многих Сергей возненавидит, со многими будет делить свой хлеб, с некоторыми хватанет фунт лиха, но время сотрет их имена и лица. Тридцать лет прошло с тех пор, но Сергей прекрасно запомнил, и имя, и фамилию земляка, и помнит его лицо, как будто видел его вчера. Трудно сказать, почему Пожидаев так хорошо запомнил человека, которого видел в первый и последний раз в своей жизни, ведь наша память, порою сохраняет людей и ситуации, которые ничего для нас не значат. Хотя, может быть, он просто произвел впечатление на Сергея? А может просто, это наставление земляка, очень помогло ему прожить эти полтора года.

Косяк курили вчетвером, и когда он пошел по второму кругу Саня сказал Серому:

– Придержи коней зема, с тебя хватит, это тебе не Крас-

нодарский бутор.

Впрочем, Сергей и сам это понял – он никак не мог откашляться, и уже чувствовал, что поплыл. Затем, они сидели в палатке 7-й роты, Антонов о чем то оживленно говорил со своими бойцами, периодически смеясь, говорил и с ним, но Серый ничего не понимал, и лишь только глупо улыбался. Вообще-то ему было не до смеха, и не до разговоров – он выхватил «жесткий глюк»: как что-то, или кто-то ползал у него по затылку, какая-то зараза, и наводила ужас, представляясь то пауком, то какой-то сколопендрой... Едва он начинал подносить руку к затылку, как эта тварь, сразу куда-то исчезала, лишь только он убирал руку, она тут же возвращалась. Через некоторое время бойцы заметили телодвижения Сергея, и Саша поинтересовался:

– Что с тобой, все нормально?

– Да какая-то хрень у меня по затылку ползает, посмотри, что там Саша? – ели отлепив язык от неба, и стараясь сохранить спокойствие, чтоб не упасть лицом в грязь, севшим голосом, сказал Пожидаев. Тут-же он вышел в проход между кроватями, на свет, и повернулся к бойцам спиной. Грохот смеха услышал Сергей вместо ответа, и понял – это глюк.

– Ладно, тебе нужно возвращаться в расположение, – успокоившись от смеха, сказал Антонов, – дорогу найдешь сам?

– Найду, – ответил пересохшим ртом Сергей, и попрощавшись со всеми, вышел на улицу.

– Я на днях еще заскачу, пообщаемся! – услышал в догонку Пожидаев.

Выйдя, он тут-же пожалел, о своем ответе, что сам найдет дорогу. Было около двенадцати часов ночи, отбой труба пропела два часа назад, и в расположении полка была сплошная тьма. Он понятия не имел в какую сторону идти, но возвращаться в палатку, и просить помощи, чтоб провели, было в западло, и он пошел...

Все палатки, а тем более ночью, похожи как две капли воды, друг на друга. Как найти среди них свою, вот в чем вопрос? Но и это как то можно было решить, если б не сильное наркотическое опьянение Сергея, плюс, полное отсутствие ориентации в палаточном городке...

Прошло около двух часов, но Пожидаеву казалось, что вечность, а результат поиска палатки карантина – ноль. Пару раз он набредал на КПП, потому как он был хорошо освещен, но подходить близко не решался, боясь нарваться на офицера. Несколько раз выплывал возле дневальных под грибками, а они, ради хохмы, его специально дезориентировали, направляя в противоположную сторону от палатки карантина. Правда было пару счастливых моментов, когда Сергей, по всем приметам определял, что это его вотчина, но и они терпели полное фиаско. Войдя в палатку, которая, как он думал его, он радостно, на ощупь, видя лишь очертания скелетов кроватей, крался к своей, но к глубокому своему сожалению, обнаруживал чье-то мирно храпящее тело,

и радость менялась на отчаяние. Таким же макаром он тихо вылезал обратно, наружу, кляня себя за то, что: «накурился как удав». В конце концов, окончательно разочаровавшись в своей исследовательской экспедиции, он сел на гильзу, из под снаряда, возле какой-то палатки, и стал дожидаться утра. Примерно через час, или около того, из нее выскочил боец, спешащий до ветру, и хотел уже бежать дальше, тут, заметив в темноте силуэт Сергея, на секунду замер, а потом спросил:

– Серый. А что ты сидишь на улице, что то случилось?

Этот вопрос, как невидимая рука маэстро, прошелся по струнам души Пожидаева, и в его сердце зазвучала прекрасная мелодия, под одноименным названием – «Спасен». Вот только она имела одну неприятную нотку – понимание того, что он уже целый час сидит возле своей палатки, и не ответив на вопрос, он тут-же исчез внутри ее, оставив в полном недоумении бойца.

* * *

На утреннем разводе рота РМО* была построена абсолютно в разнобой, причиной тому было то, что при построении личного состава учитывался не рост, а срок службы. Впереди стояли чижи*, и вид был у них, мягко говоря, не очень. Юные лица солдат были несвойственно серы, и усталость в их глазах соперничала с какой-то затравленностью. У многих из них уши походили на вареники, и не надо было быть

медиком, чтоб понять, что они сломаны. Почти у каждого на лице были синяки, и кровавые трещины на губах, которые говорили о том, что их бьют, и бьют несколько не пытаясь этого скрыть.

Это шокировало Сергея, вечером, когда его привели в роту, он, при тусклом свете в палатке, не заметил ничего необычного, и теперь, он удивленно таращился на молодых бойцов, пытаясь сложить пазлы в своем сознании. А они, никак не состыковывались в его наивном мышлении, сформированным в тени больших вишен. Война и жуткая дедовщина упорно не хотели соединяться в единую картинку, к тому же, еще один пазл выпадал из нее – офицеры. Ведь даже слепой, на ощупь, определил бы, что в роте идет ежедневное избиение молодых солдат, а они, как ни в чем не бывало стояли на разводе, и даже подтрунивали над печальным видом чижей. В голове у Сереги произошла революция в понимании войны, о которой он читал когда-то в книжках, где боевое братство, просто красной нитью проходить через любую, даже самую заваливающую повесть о ней. После утреннего развода, в картинке «Война», пазл: «Боевое братство» ушел в небытие, и заменился на два, в сущности противоположных по смыслу: «Дедовщина» и «Землячество». С одним из них, ему придется познакомиться, так сказать непосредственно, уже вечером этого дня.

* * *

Вечером того-же дня, после курса «Молодого бойца», в качестве повара, Серега вернулся в палатку из столовой, и ели стоя на ногах, от усталости, направился к своей кровати. Проходя в полумраке между пальмами*, он уперся в чью-то ногу – это вернувшийся дедушка, водитель наливника* вытянул ее в продол*.

– А какого..уя чижи шастают после отбоя? Что тут произошло, пока меня не было? Земля с оси сошла, что ли? – задал он вопрос, скорее всего окружающим, чем Сергею.

– Да это поваренок, вчера вечером только прибыл, – ответил лежащий рядом на кровати солдат, выпуская в полумрак сигаретный дым из-за рта.

– Хоть одна добрая весть, как приехал с рейса, – ответил дедушка и убрал ногу. – Иди ложись, и чтоб через пять минут умер, – в приказном тоне, сказал он Пожидаеву, хотя был рядовым, как успел заметить Сергей.

Пожидаев на тот момент еще не знал, что повара в полку – это привилегированная каста. Причиной тому было скудное питание всех солдат без исключения, не взирая на срок службы, звание и боевые заслуги, а чижи, так те вообще голодали. Поэтому, шкурный интерес старослужащих – пару-тройку банок тушенки или сгущённого молока, оказавшиеся на вечернем столе, под чаек или брагу, делал поваров неприкасаемыми.

Для воинов интернационалистов были предусмотрены по-

вышенные нормы обеспечения продуктами, но по факту, их катастрофически не хватало. Причиной этому было банальное воровство, в начале, в Союзе, потом, на базе в дивизии, далее, в полку, прапорщики и офицеры творили вакханалию на продуктовом складе, и в конце пищевой цепочки, повара растаскивали все что осталось. В результате чего, к примеру, вместо положенных тридцати килограмм тушенки, в котел летело только пять, лишь слегка предавая кирзухе* аромат мяса, и превращая ее в постную, мало съедобную кашу. Которая, после обеда, абсолютно нетронутая солдатской ложкой, вываливаясь в помойку из бачков, застывшими болванками, удивительно похожими на головки сыра. Далее, все эти отходы, выносились нарядом по столовой в арык, который был в метрах пятиста от полка, создавая рассадник для мух, коих было немислимое количество в части. Участь тушенки поджидала все более менее ценные продукты, и в столовую дедушки с дембелями практически не ходили, а «мутили» свое, добывая хлеб насущный на продовольственных складах, в магазинах военторга, и у местного народонаселения.

Не успел Сергей лечь, как увидел встающего со шконки водителя наливника, который пошатываясь подошел к кровати спящего молодого солдата. Очевидно дедушка был изрядно «налит» брагой, и вперемешку с чарсом, мало что соображал, о чем говорили его безумные глаза, блеснувшие своей пустотой, когда он встал под лампой. Постояв, качаясь, над спящим чижиком, и решив, что это полный беспредел:

он стоит, а дух* лежит, дедушка, наотмашь, ладонью, ударил его по лицу. Раздался своеобразный щелчок пощёчины – молодой солдат вскочил, совершенно обалдевший и не понимающий спросонья, что произошло, и тут-же начал шарить, по палатке, еще более безумными глазами. Но в них не было дурмана бражки и наркотика, в них была огромная усталость, голод, недосыпание, страх и боль, которые делали их сумасшедшими. Но это «сумасшествие» не вызывало чувство опаски, оно вызывало жалость.

– Боец! Сигарету мне, с фильтром, прикуренную! Две минуты времени! Время пошло! – выпалил дедушка, развернулся, подошел на свет, к лампе, и стал греть зажигалкой плюху чарса. – Если я успею забить косяк, и у меня не будет дымиться сигарета в зубах – вешайся, – добавил он, и весь погрузился в процесс изготовления.

Ошарашенный молодой солдат, выбежав из палатки, понесся сам не зная куда, потому как сигарет с фильтром у него не было, и зачатки на «черный день» тоже, в следствии полного отсутствия денег, которые, естественно, забирали старослужащие. Он бежал просто по инерции, и в этом беге не было никакого смысла... Но может быть, просто чижик бежал от злого рока, который свалился на него неожиданно нежданно негаданно. Разве мог он подумать, несколько месяцев назад, когда движимый чувством юношеской бравადы, писал заявление в военкомате, о добровольном желании служить в Афганистане, куда приведет его эта бравада? И теперь, он нес-

ся по палаточному городку, барабаны сапогами по камням, в душе желая убежать от действительности и прибежать туда, в Союз, в военкомат, чтоб забрать нафиг свое заявление вместе со своей бравадой, глупостью, безрассудством, ребячеством, наивностью, и еще черт знает с чем.

Подбежав к дневальному под грибком он жалостливо произнес:

– Братан, у тебя не будет сигареты с фильтром? – хотя прекрасно понимал, что шансов ноль. Под грибком стоит такой же чижик, и если у него даже и есть, то все равно не даст, потому как у него тоже свой «черный день» не за горами.

– «Охотничьи»* – ответил солдат и протянул пачку. Взяв сигарету боец побежал обратно в палатку, думая: «Может прокатит, или может дедушка отъехал, и видит уже пятый сон».

Постояв в нерешительности несколько секунд перед входом в палатку, чижик вошел в нее, и увидев деда перекатывающего косяк между пальцев, протянул ему, дрожащей рукой, сигарету без фильтра....

Водитель наливника криво ухмыльнулся, заложил косяк себе за ухо и произнес:

– Залет боец, по всем статьям: по времени не уложился, сигарета без фильтра и не горит. – Далее, взяв чижику за протянутую руку с сигаретой, потянул его на середину палатки, чтоб было видно всем, кто не спит, это представление. – Грудь к осмотру, – зло и как-то с наслаждением про-

шипел дедушка, предвкушая удовлетворение своих низменных, животных инстинктов.

Молодой солдат выпятил грудь колесом, вытянул руки по швам. Тут же последовал удар в грудь... У бойца перехватывало дыхание, и он согнулся от боли, при этом закашлявшись, но ему нужно было срочно выпрямиться в исходную позицию, иначе не миновать удара с ноги... Совладав с болью, и продолжая кашлять чижик выпрямился, и снова, еще больше, выгнул грудь колесом, сложив руки по швам.

– Старею, – сказал водитель наливника, под недовольный гул дембелей, – теряю хватку, – и чтоб реабилитироваться в глазах своих товарищей, он прицелился в пуговицу, что по середине груди. Последовал второй удар, в который дедушка вложил всю свою физическую дурь, плюс дурь от наркоты и алкоголя...

Воздух вырвавшийся от удара, произвел странный звук в гортани, вместе с ним вырвался из груди наружу, и смешавшись с глухим звуком кулака, разлетелся во все стороны палатки, разбудив даже мертвецки спящих духов. Пуговица, своей жесткой металлической душкой, с обратной стороны, вошла в кость солдата, разбив дальше рану от прежних побоев. Издав протяжный стон, боец согнулся в три погибели, и упал на пол. Продолжая стонать, молодой солдат начал корчиться от боли.

– Встать! Товарищ боец! – прокричал, дед, еще более захмелев от полученного кайфа избиения. – Встать грудь

к осмотру! – повторил он еще раз команду и пнул, как футбольный мяч, лежащего, в область печени... Боец из позы эмбриона выгнулся в противоположную сторону, и схватившись рукой за печень закрутился волчком, при этом его стон сменился на тихое поскуливание. Было ясно, что водила наливника точно попал в печень.

– Встать боец, грудь к осмотру! – не унимался дедушка, совершенно ошалев от мучений солдата, которые возбуждали в его одурманенной душе чувство восторга безраздельной власти над чижиком.

– Хорош Киса, убьешь еще, – раздался голос с кровати, которая была в самом дальнем, темном углу палатки. – Пойдем лучше курнем, ты же свернул стингер*? – добавил «Голос», скрипом пружин шконки давая понять, что он встает, и его намеренье твердое.

У садиста – водителя-наливника, оказалась на удивление гламурно-женская кличка, которая только на первый взгляд не шла ему, судя по его только что сделанному поступку. Но предложение «Голоса» остановиться, как холодный душ подействовали на Кису, и он тут же прекратил издевательство над солдатом, и заискивающе произнес:

– Да Тоха, пойдем, план Кандагарский, бомба, пару тяг и аут, – и как бы в доказательство этого садист – водитель, начал нюхать косяк, который распространял плотный и терпкий запах гашиша. В продоле, попав под тусклый свет лампы, показался Тоха, оказавшийся здоровенным мужиком,

выглядевший лет под тридцать, ростом с метр девяносто, широкими плечами и огромными кулаками. Он перешагнул лежащего и уже притихшего чижики, и направился к выходу, Киса, как шакал «Табаки», из мультфильма «Маугли», засеменил за ним, что то сладострастно и вкрадчиво рассказывая ему. На ходу Тоха бросил:

– Положите его на кровать, – скорее всего, обращаясь ко всем молодым солдатам.

Чижи, которые наблюдали этот отвратительный спектакль с круглыми глазами, тут-же повскакивали, и быстро уложили сильно побледневшего своего товарища, в душе радуясь, что сегодня обошлось, их сегодня не тронули...

У Пожидаева тоже, от изумления, глаза были на выкате, мысли его путались, и ему казалось, что это какой-то дурной сон, и этого не может быть, потому, что не может быть никогда. Но это происходило вопреки войне, которая была во-круг, вопреки сплошь и рядом лежащему оружию, вопреки тому, что молодых солдат было больше чем дедов, дембелей и черпаков вместе взятых...

* * *

Сложно однозначно ответить на вопрос, почему все эти чижи, не могли объединиться, или просто взять в руки оружие, и загнать всех этих старослужащих под шканори? Что их заставляло вести себя подобно безропотным, безмолвным животным?

Все мы разные, и каждый индивидуален, и подвести всех по общий знаменатель сложно, всегда будут частности, но можно предположить, хотя не факт, что я прав.

Кто то покрепче, кто то послабее, и многие из ребят, просто были слабы духом. Многие росли в парниковых условиях, и не привыкли выживать в трудных ситуациях, как например, детдомовские, которые с первых шагов своей жизни, уже начинают борьбу за существование. И все же, наверное, все они, по существу, были мальчишками, и по детски боялись обозленных, побывавших во всяких передрягах, более старших, хотя таких же пацанов. С другой стороны чижы понимали, что это продлится пол года, и из-за этих шести месяцев, никто не хотел жертвовать своей свободой. И даже не заключение, как таковое, пугало их, а невозможность увидеть свой дом, от которого веяло, даже в воображении, теплом и уютом; невозможность беспечно бродить по улицам, созерцать родные лица, ставшими теперь такими далекими; беззаботно удить рыбу на пруду, щурясь от бликов солнца, отражающихся с зеркальной поверхности воды, а вечером, с друзьями, выпив вина, тасоваться по парку, и радоваться этому невероятно приятному чувству свободы, осознавая, что все закончилось, все осталось в прошлом....

И у Сергея был свой островок счастья, за который он цеплялся все эти полтора года, который, как спасательный круг вытаскивал его из всяких передряг. Ради него он терпел невзгоды, боль, обиды, и только в нем, в тени белых больших

вишен, вдыхая их сладкий аромат, где вдали слышался голос его мамы: «Сереза, ...пора домой!» – он находил покой своей душе..

Конечно Сергей не знал, кто был родоначальником этого, по сути, беспредела, в 12-ом Гвардейском, но дети вообще-то очень склонны к жестокости, по крайней мере большая часть, и не знают жалости. И если это зло вынуть, из недр их душ и развить, то результаты превзойдут все ожидания. После полугода сплошных побоев, бывшие чижи, получив зеленый свет, потом с упоением отрываются на таких же молодых солдатах, мстя им, за месяцы боли и унижения, и как правило превосходят своих «учителей». Это как раскручивающаяся спираль, у которой каждый новый виток больше прежнего, так и в 12-ом Гвардейском – каждый новый призыв более жесток, чем предыдущий.

«Отлетав» полгода, молодые солдаты становились черпаками, и скидывали свое ярмо на чижей, теперь те уже выполняли всю грязную работу. Но не все переходили в годки, многие застревали в разряде «вечных летчиков», многих чморили по каким либо причинам, а многие сами опускались, и этот кошмар продолжался у них все полтора года. В отличии от животного мира, в мире людей, все же определяющую роль играет не физическая сила, а сила духа. Именно слабые духом мальчишки, оказывались между жерновов человеческой жестокости и цинизма, возведенных в степень войной, превратив их, к концу службы, в некое подобие че-

ловека, более похожее на затравленного, забитого зверька, боящегося собственной тени.

Почему офицеры видя все это, и все прекрасно понимая, закрывали на это глаза? Тоже можно, отчасти, предположить, но так же, как и с молодыми солдатами, всегда есть частности, да и не все командиры так поступали, а те кто одевал «шоры», не всегда типа не замечали происходящего.

Очень часто, офицеры, а также прапорщики, не могли справиться с дедами, дембелями, черпаками,* теми, кто хватанул войны, и какой-то литеха, который только что прилетел из Союза, был для них, в конечном счете: «Ни кто», и звать его – «Никак». Вообще в 12-ом Гвардейском считалось в западало отдавать честь командирам, звание которых ниже майора, и только, на самом деле дерзкие офицеры, могли держать роту или взвод в узде, и их было немного. Поэтому командиры предпочитали иметь панибратские отношения со старослужащими, зная, что те, их «приказы» облаченные в «просьбы», выполняют, построив чижей. Вот так и работала эта военная машина, в основе которой была дедовщина, и новобранцы: стояли в карауле, возле знамени полка, или склада с боеприпасами; ходили в дежурство по роте или столовой; ремонтировали боевую технику, оружие, офицерские модули и палатки; копали окопы, и щели, под боевые машины, строили всевозможные укрепления и командные пункты на боевых; разгружали или загружали все подряд, начиная от боеприпасов, и заканчивая «Грузом 200», и так да-

лее и тому подобное. И только свист пуль, и разрыв мин или эрэсов,* как по мановению волшебной палочки, в сотую долю секунды, уравнивал всех: офицеров, прапорщиков, дембелей, дедов, черпаков и чижей, делая их всех – пушечным мясом....

* * *

*Чарс – гашиш

*Шакал – офицер

*Чморить – физически и морально унижать человека

*РМО – рота материального обеспечения

*Пальма – двухъярусная кровать

*Наливник – грузовая машина оснащенная бочкой для перевозки какого либо топлива

*Продол – проход между рядами кроватей

*Кирзуха – каша из ячневой крупы

*Дух – душман, моджахед, а также молодой солдат

*Охотничьи – низкого качества сигареты, без фильтра, получаемые бойцами ежемесячно

*Черпак – солдат отслуживший год

*Стингер – управляемая ракета, применяемая душманами по воздушным целям или сигарета с гашишем

Глава II

Не всегда молодые бойцы превращались в покорных, безропотных рабов, готовых выполнить любой «приказ» старослужащих. Некоторые, кто подуховитей, восставали против произвола дедушек, очень часто платя за это своим здоровьем, а иногда и свободой.

– Савелий, я же тебе сказал, чтоб в картошке было много тушенки. Ты что Савелий, плохо вкуливаешь, с первого раза? Как я буду это жрать? Я вижу ты дядя совсем не хочешь уважать старших, придется принять меры, – так негодовал, смотря в свой котелок, младший сержант Зарубин Николай, из саперной роты, чья палатка была напротив палатки РМО.

«Савелий» был вовсе никакой не «Савелий», звали его, на самом деле – Сергей, просто фамилия у него была Савельев, но никто уже не помнил его имени, и только после ЧП, многие, впервые, услышали его настоящее имя.

Сергей Савельев отслужил уже год, и должен был стать черпаком, но «Святая троица», которая держала верх в саперной роте, решила зачморить его, оставив в «вечных летчиках». В принципе, тоже самое, в то время, происходило и на зонах в СССР, с той только разницей, что вместо слова «зачморить», там употребляли «опустить», а вместо слово «Опущенный», в 12-ом Гвардейском говорили: «Чмошник» или «Летчик».

За прошедшие пол года, с Сергеем было много хлопот: постоянно вставал в позицию, и не хотел стирать ХБ дедам, носить пайку, отдавать свое денежное довольствие, стоять под грибком, вместо дембелей, ну в общем – дерзил, за что был многократно и сильно бит. И в один прекрасный день, когда Зарубин, будучи дежурным по роте, сказал ему идти под грибок, вместо одного из дедушек, неожиданно, Сергей согласился, и надев «дежурный автомат»* и броник, пошел на пост. За месяц до перехода в черпаки, Савельев сделал роковую ошибку, и не выдержав бесконечных побоев, дал слабинку.

Зарубин не ожидал такого ответа, и даже, по началу, опешил от него. Он было приготовился, как обычно, заехать Савелию с ноги либо живот, либо по голени долбануть, и в тот момент, когда он решал, как наказать строптивного бойца, тот ответил: «Хорошо», – начав собираться под грибок. На лице Николая отобразилось изумление, и застигнутый врасплох, таким ответом, он недоверчиво промямлил:

– Когда сменишься, меня разбудишь, надо будет в оружейной палатке порядок навести, я тебе покажу, что надо сделать...

С тех пор Сергей стал «летать» по полной, как будто деды хотели наверстать упущенное, и просто становились в очередь, чтоб припахать его. Савельеву не забыли его ранее «закушенные удила» потому, что его поведение дурно сказывалось на других молодых солдатах, и они, глядячи на него,

тоже, иногда, пытались взбрыкнуть. И когда подошел срок, его не стали переводить в черпаки, а по прежнему ездили на нем, да еще к тому же, уже с его призыва, кто по наглее, тоже пытались припахать его.

Это решение, каковое не оспаривалось, было вынесено «Святой троицей» – трех закадычных друзей, которые были, на тот момент дедами, являющимися «авторитетами» в саперной роте. «Святая троица» – это прозвище дали им уже давно, когда они были еще сами чижамы, потому как держались всегда вместе, хотя были из разных городов, но с одной саперной учебки. И скорее всего не учебка их связывала, а возраст – им всем было за двадцать пять лет. По каким уж причинам, они так поздно были призваны в армию, достоверно неизвестно, но очевидно, возраст делал интересы и ценности их схожими, поэтому они и были всегда вместе.

Среди них особо выделялся Зарубин Николай, он был родной брат-близнец того Тохи, из РМО, который вступился за чижику. Тоха тоже был с братом в одной саперной учебке, но на момент, когда они прибыли в полк, катастрофически не хватало водителей, а Толик был водитель-профессионал, и поэтому его перевели в РМО. Николай был абсолютной копией Тохи, такой же огромный, с чайниками, вместо кулаков, широкоплечий, и выглядевшим в свои двадцать шесть лет, на все тридцать. Другие двое, из троицы, были по мельче, но по жестокости и садистским наклонностям, Зарубин им был не чета, да и вообще, до армии, он не был таковым.

Все же, человек более склонен к плохому, чем хорошему – быстрее перенимает у других негативные черты характера, чем позитивные, и в принципе, из беззлобного, не подлого, сибирского парня, за полтора года службы, вместе с двумя его «учителями», выросла порядочная сволочь, не знающая жалости. Что интересно, «Святая троица» сама не летала, когда они были чижам. Один Зарубин чего стоил – мало бы кто вообще, в полку, отважился его припахать, к тому-же, все были в возрасте, и самое главное – они всегда стояли друг за друга. И тем не менее, жестокость их зашкаливала даже для 12-го Гвардейского, и о дедовщине в саперной роте, ходили легенды.

Сергей Савельев давно осознал, что сделал ошибку, но обратной дороги уже не было, вернуть позицию строптивного и непокорного молодого солдата ему никак не удавалось. По факту, его били теперь еще больше, чем когда он «держал марку», пресекая все попытки восстать, и после очередного сломленного протеста, он бежал за пайкой для дедушки, стирал чье-то ХБ, шел в наряд «за того парня» и так далее и тому подобное. А хуже всего то, что он потерял свое лицо – Сергея хоть били, но все равно, в душе, уважали. Уважала его даже «Святая троица», видя в нем крепкого паренька, который, несмотря ни на что, держался, и его никак не могли заставить «шуршать»... а теперь он сломался. И к его «плохому поведению», которое давало повод взбрыкивать другим чижам, теперь, добавилось признание и разочарование.

Да и не он первый, и не он последний, кто, по каким-то причинам падал, на социальное дно 12-го Гвардейского мотострелкового полка, не он первый, и не он последний на кого, после этого, набрасывались, словно стервятники, все кому не лень, а друзья отворачивались, оказавшись на поверку – псевдо друзьями. Не случайно, Пожидаева учил его земляк, Саша Антонов: «Главное – держи марку, если упадешь, обратно подняться, будет практически невозможно».

* * *

Вот так, оставшись совершенно один, всеми призраемый, Сергей Савельев, из задорного, веселого парня, превратился в молчаливого, одинокого волчанка, который по-прежнему, молча сносил побои, прикрывая жизненно важные органы руками, и только потаенная злость, которая периодически сверкала в его глазах, говорила о том, что он еще не превратился в покорное животное.

– Ну что будем делать Савелий? – продолжал ложно негодовать Зарубин, ведь он был совершенно сыт, наевшись плова в РМО, у своего брата, принесенного из офицерской столовой. – Что молчишь сученок, или не можешь сообразить, в чем твоя вина? Если я сказал принести картошку в которой должно быть много тушенки, значит тушенки должно быть много. А ты мне что принес? – Хотя в пайку Николая, Сергей высыпал всю свою тушенку, кстати которой, ему и так досталось совсем чуть-чуть. Так что ужин Сергея был из кар-

тофельного пюре, сильно разбавленного черными глазками, водой и комбижиром, которое он запил слегка подкрашенным, и чуть подслащённым чаем.

Во время этого разговора к ним подошел, не весть откуда взявшийся, другой представитель «Святой троицы» – Степан, которого все звали Стэфан. Он заглянул в котелок, который держал в своей руке Зарубин, потом взял его в свою руку, и поднеся его к своему лицу, зачем-то понюхал.

– Он Колек над нами издевается, – ехидно смотря на Сергея промурлыкал он. – А ну, товарищ солдат, затянуть ремень! – скомандовал Стэфан.

Савельев, молча, начал затягивать свой ремень.

– Не братан, так дело не пойдет, давай ту же затягивай, не дай бог, я палец просуну, – все так-же ехидно поглядывая, но уже с угрозой в голосе, добавил он.

Через несколько секунд Сергей затянул ремень, и застыл на месте. Степан подошел, и начал тыкать двумя пальцами, между ремнем и животом – они не пролазили.

– А ну ка Колек, держи ему руки сзади, – неожиданно, сказал он. Николай подошел сзади, и загнув Савельеву руки за спину, сковал их, железной хваткой.

– Это хорошо, товарищ солдат, что вы ходите по уставу, и застегиваетесь на все пуговицы, – так же ехидно смотря на Сергея, и перейдя на «вы», продолжил издеваться Степан. – Но это не всегда хорошо для дыхания, а особенно это плохо влияет на пищеварение, – с этими словами, он расстег-

нул две верхние пуговицы на гимнастерке Савельева, оттянул воротниковую часть на себя, и в образовавшуюся дырку, начал выливать горячую, жидкую толченую картошку.

– А-а-а-а, – нарушив свое молчание закричал Савельев, и стал пытаться вырваться, но стальная хватка Зарубина намертво скрепила ему руки за спиной.

– А вот и голосок прорезался. Что орешь, вкусно? – продолжал издеваться Степан, – сейчас добавлю еще, – и вылил все содержимое за пазуху Сергею.

Савельев, совладав с болью, замолчал, и уперся своим взглядом, полным ненависти, в Стэфана.

– О-о, смотрю, по взгляду, еще добавки хочешь, но, к сожалению, больше нету, разве что чайку могу предложить, – и, снявши со своего ремня фляжку, начал лить, за пазуху горячий чай... Сергей, упорно молчал, но по его сопению, можно было понять, что ему очень больно. Его испепеляющий взгляд продолжал сверлить Степана, и когда их глаза встретились, садист продолжил, нарочито вежливо издеваться:

– Не стоит благодарности, а то смотрю ты меня расцеловать хочешь. Можешь отблагодарить меня тем, что после того как постираешься, начистишь мне сапоги до блеска,... отпусти его Колек. – Зарубин расцепил свою мертвую хватку, и зашел вперед Сергея, чтоб полюбоваться, что получилось у его друга: Савельев с перекошенным от боли лицом, часто сопя двумя ноздрями, глазами, налитыми ненавистью и сле-

зами, сжимая кулаки, смотрел на свои на своих мучителей, а толченный картофель вместе с чаем, парил сквозь ХБ...

– Ну, что ты кулаченки сжал, а ну попробуй ударь меня, вот сюда, – и Стэфан слегка наклонился, указывая пальцем себе на подбородок.

Сергей уже подал корпус вперед, чтоб кинуться на своего мучителя, но в последний момент, остановился, понимая, что его просто, в течении двух минут, превратят в кровавое месиво, и резко развернувшись, выбежал из палатки...

* * *

Уже стемнело, когда Сергей, с куском хозяйственного мыла, оказался возле умывальника. Итак жидкая толченая картошка, разбавленная чаем, отчасти все равно протекла сквозь туго затянутый ремень, а все, что осталось, нависло над ремнем в виде докторской колбасы. Расстегнув еще несколько пуговиц, он начал рукой доставать картошку, и тут же есть ее, ... из его глаз градом катились слезы...

В хорошем Советском фильме, «Аты-баты шли солдаты», младший лейтенант, обнаружив мыло у рядового Крынкина, которое ранее пропало, хочет вывести его перед взводом, чтоб видели бойцы, кто украл у них мыло. Но когда выясняется, что он взял его для матери и сестер, чтоб они могли обменять мыло на хлеб, потому как сильно голодали, то другой рядовой Глебов, начинает заступаться за Крынкина. Младший лейтенант, искренне сочувствуя Крынкину, все равно

не соглашается замять это дело, потому как, по его словам: «Это не педагогично». Тогда Глебов ему ответил:

– Не голодали вы, эх, не голодали вы товарищ младший лейтенант...

Да, рядовой Савельев был унижен и раздавлен, и по хорошему, ему эту толченку хотелось засунуть в глотку Степану, или, по меньшей мере, разбросать ее на тысячи верст, ведь она была тем предметом, через который над ним надругались. Но голод, в конечном итоге, оказывается выше оскорблённой души, и инстинкт жизни, очень часто перевешивает все чувства вместе взятые. И он, обливаясь слезами, продолжал доставать из пазухи картошку, и есть ее...

Смотря куда-то вдаль, глазами полными слез, Сергей, как сквозь мутное стекло, при свете тусклого фонаря, еле-еле различал окружающие его предметы, да и в общем то, он был, на самом деле, далеко... Сейчас, Савельев, в душе, прощался со своими лучшими друзьями, коих у него было двое, и по какому-то злему року, там, на гражданке, они тоже всегда и везде, были вместе, и тоже были «Святой троицей». Он прощался со своей девчонкой, мысленно отпуская ее, и возвращая ей ее слово: «Чтобы не случилось, я тебя дождусь». Прощался со своим чердаком, который оборудовал по своему усмотрению, и в котором проводил дни напролет, со своим маленьким, но очень аккуратненьким городком, и конечно же, с отцом, которого очень любил и уважал, и который один его воспитывал. Он понимал, то, что он задумал, как

минимум, отсрочит все это на многие годы, а может он, уже никогда не сможет пройти по улочкам своего городка, и никогда уже не услышит баритон своего отца... У него тоже, была своя лавочка, спрятавшаяся в тени больших вишневых деревьев...

* * *

Как всегда, накурившись чарса, «Святая троица» села играть в нарды, сбивая сушняк, хорошим индийским чайком, который привезла разведка, после операции. Незаметно они поймали кураж, совершенно увлекшись игрой. Слышались крики спора по поводу камней: один утверждал, что у него 3-куш выпал, другой кричал, что там, на самом деле было 3: 2. Двое дембелей, что были тоже с троицей, раздувая легкие, наперебой, утверждали совсем иное: один, хрипел, что камни показали 3: 1, а другой, перейдя на какой-то визг, голосил, что на камнях было вообще 2-куш. Это все происходило среди белого дня, в дембельском закутке – в конце палатки, последние два ряда кроватей, были отделены пролетом от всех других кроватей, и эта зона считалась «Святая святых», на которую могли заходить только дембеля и деды. Странно то, что такая «традиция» была установлена только в саперной роте, и именно «Святая троица» ввела ее. В палатке не было никого, кроме них, все остальные разбрелись, кто по работам, кто в наряды, кто просто, «гасился, где ни будь на тупике, чтоб не мозолить глаза шакалам». Только

«Святая троица» имела карт-бланш, у командира роты, майора Бубнова, находиться в палатке в любое удобное для них время.

Сергей, после «картофельного пюре», вынес для себя, по отношению к троице, вердикт, на который раньше не решался, все думал: «Как то проскочить», – но теперь, он был совершенно уверен – другого выхода нет. Когда Савельев утвердился в нем, он стал совершенно спокойным, даже каким-то отстраненным от жизни, теперь он был поглощён одной мыслью: «Как завалить всю „Святую троицу“ разом?». Он постоянно искал подходящего момента, и его не беспокоило то, что во время вынесения своего приговора, его самого могут убить, Сергей думал только о том, чтоб успеть «завалить» всех троих, прежде чем кто-то, или что-то остановит его. Но почему-то всегда не срасталось, то народу вокруг много было, то не вся «Святая троица» вместе. Подводил особенно Зарубин – он в последнее время, днями сидел у своего брата в РМО.

Но в этот день, у Сергея выпал шанс. Потихоньку сбежав с работ на РАВ-складе,* он, незаметно прокрался к своей палатке, Савельев знал, что «Святая троица» должна быть в ней. Осторожно заглянув в открытое окошко, он увидел выше описанную картину, когда крики спора, подогреваемые действием гашиша, разносились далеко за пределы палатки.

– Твою мать! – подумал он, когда увидел вместо троих,

пятерых. – Какого х..я они тут делают, они же должны были с комроты укатить в Герат? – продолжил мысленно негодовать Сергей. В сердцах, махнув рукой, он отошел от палатки, и чтоб не привлекать внимание, не спеша, побрел в сторону туалета, размышляя на ходу. – Бл..ть, откуда они взялись уроды, что теперь делать? Когда теперь такой шанс выпадет? Ведь совсем скоро рейд, если не все, то точно хоть один, да укатит туда.

Но положа руку на сердце, глубоко внутри, Сергей понимал, что он «ослабеваает», что с каждым днем угасает в нем решимость сделать это. И дело вовсе не в страхе, а в все более разгорающемся желании, через год вернуться в свой городок, закрыться у себя на чердаке, и врубив там на полную музыку, забыться, ... провалиться в нирвану... Почти дойдя до туалета, Савельев резко развернулся, и уверенно, быстрым шагом направился к своему расположению. За это время он вынес еще один вердикт – двум дембелям, находящиеся сейчас вместе с троицей в палатке, и он был безапелляционен – «Виновны!».

Опять осторожно подкравшись к палаточному окошку, он заглянул в него – все пятером, сидели на кроватях, друг против друга, продолжая играть в нарды, хохоча над чем-то. Сергей окинул вокруг себя территорию взглядом – никого по близости не было. Он достал из кармана эфку*, ... выдернул кольцо из гранаты, ... отпустил чеку, ... раздался характерный щелчок, ... он начал считать:

– Раз,... два,... три,... – и на счет «три», бросил эфку в окошко, в это же мгновение рухнув на землю. Когда он еще падал, раздался взрыв...

Устойчивый шум в ушах, говорил ему, что он жив, и всего лишь, слегка контужен. Открыв глаза, первое, что он увидел, сквозь дым и пыль, это то, что четверть палатки словно корова языком слизала. Потом увидел перевернутые кровати вместе с тумбочками, разбросанные постельное белье, какие то вещи, и пятерых лежащих в разных позах солдат. Гимнастерки на них превратились, в лоскуты от взрывной волны, пороховые газы, неся в себе с огромной скоростью, частички сажи, проникли под кожу, сделав местами их лица и тела серого цвета, осколки от гранаты, в большинстве своем достигли цели, и посекали их всех в фарш. Двое из пятерых были еще в сознании, они корчились от боли, и один из них истошно кричал:

– А-а-а-а!... Помогите!... Мама!... А-а-а-а!... Помогите!...

Сергей все правильно рассчитал, но при этом, сильно рисковал сам. Брось он гранату сразу, то у дедов был бы шанс спастись, т.к. эфка взрывается через четыре секунды, после отпущения чеки. И если б они, моментально среагировали, и отскочили в стороны, упав на пол, то могли остаться живы. К тому же, взорвись граната на полу – у нее была бы гораздо ниже поражающая способность. А в этом случае, она, влетев в палатку, разорвалась между дедами, сидящим на кроватях

друг против друга, на уровне груди – эффект поражения был максимален, на сколько это возможно. Но при этом, ошибись Сергей хоть на сотую долю секунды – он сам бы стал жертвой подрыва.

Савельев, полежав еще пару минут, поднялся, посмотрел по сторонам – отовсюду, на взрыв, бежали бойцы и офицеры. Спокойно отряхнувшись от пыли, он подошел к лежащим дедам. Явно разглядев в окровавленных, бездвижно лежащих телах, двух из «Святой троицы», пошел к огромному, корчившемуся от боли Зарубину, который к этому времени сел на пол, и оперся на перевернутую кровать. Он прикрывал своими огромными лапами раны на животе и груди, совершенно не замечая, что у него над бровью огромная дырка, из которой, пульсирующе, вытекает кровь. Николай не кричал, как другой дедушка, а только как то кряхтя, не сильно дергался всем телом в разные стороны, смотря одним глазом потому, что другой был залит кровью. Сергей присел напротив него, заглянул ему в единственный глаз и спросил:

– Что, больно Колек? – но Зарубин ничего не ответил, он просто не слышал его, да и вряд ли бы ответил, ему было не до него – страх в расширенном зрачке, говорил о том, что он чувствовал, как из него начинает выходить жизнь.

Посмотрев еще несколько секунд на то, как дергается и кряхтит Николай, и не дождавшись ответа, Савельев добавил:

– И мне было больно, – и встав, опять пошел уверенным,

твердым шагом в штаб полка.

* * *

Войдя в штаб, он застал там какую-то суматоху – все офицеры бегали туда сюда, перекрикиваясь между собой; возле него проскочило двое бойцов, и чуть не сбив его с ног, вылетели на улицу; дежурный по полку бесперебойно звонил куда-то, крича не своим голосом:

– Алло!... Алло!... Седьмой?! Что у вас там нахрен произошло?... А, это не у вас? А где это еб..ло? Не знаете? Это не духи жажнули?... А кто тогда нах..й знает, что случилось?... – Потом, покрутив ручку на коммутационном телефоне, продолжал:

– Соедините меня с четвертым!... Алло!... Четвертый! Где это еб..ло?.. Чем вы там вообще на х..й занимаетесь?...

В эту минуту, Сергей, встав напротив дежурного по полку, и отдавая честь, четко чеканя слова выпалил:

– Товарищ капитан! Разрешите обратиться!?

– Иди на х..й боец отсюда! Не видишь не до тебя сейчас!

Очевидно, Савельев другого и не ожидал, поэтому, не взирая на ответ капитана, и на его искаженное от злости лицо, спокойно, так же четко чеканя слова, как будто рапортовал об успехах комсомола, на ударных стройках страны, продолжил:

– Я, рядовой Савельев Сергей Александрович, будучи в уме и твердой памяти, ровно пять минут назад, уничтожил

младшего сержанта Зарубина Николая, сержанта Милютина Степана, рядового Ступко Николая, сержанта Адигузелова Марата, и рядового Мирзу Нуралиева, при помощи ручной гранаты Ф-1...

Пока он это говорил, у дежурного по полку открылся рот, и после слов «ручной гранаты Ф-1» – из руки, вывалилась телефонная трубка... На несколько секунд возникла немая сцена: капитан «завис», тараща свой удивленный взгляд на Сергея, и как он не пыжился, но абсолютно никакая мысль, ему упорно не приходила в голову, а Савельев, так и продолжал стоять, лишь убрав руку с виска, спокойно смотря на капитана.

Вдруг, капитан схватился за кобуру, и начал открывать ее, ... но как-то весь засуетился, задержался, и так и не достав пистолет, срывающимся на визг голосом, закричал:

– Стоять!... Руки за голову!... Лицом к стене!...

Тоха, ревел как маленький ребенок, когда узнал о гибели брата, и в душе поклялся убить Савельева, чего бы ему это не стоило. Гибель Николая сказала очень негативно на судьбу молодых солдат в РМО. Доселе, Тоха практически не трогал их, и даже часто заступался, но теперь, он как будто принял эстафету у погибшего брата, и в своих изощренных издевательствах, во многом превзошел его. Было такое ощущение, что он, в каждом молодом солдате, видел Сергея Савельева, и мстил ему за своего брата.

Сергея Пожидаева это не коснулось, к этому времени,

новый зампотыл, перевел его из РМО, со всеми поварами, на прачку, и кто знает, снял бы Тоха с него «неприкосновенность» или нет, после гибели брата.

А Савельева Сергея, в этот же день, прямо из штаба, увезли в дивизию, в Шиндонт. Ходили слухи что ему дали 12 лет, но существовала большая вероятность, что в каком нибуть противоположном уголку Афганистана, на какой нибуть заставе, появился новый боец, переведенный из Герата, а может быть Шинданта, по неизвестным причинам. А когда его спрашивали: «Почему он тут оказался?» – он, как-то странно улыбаясь, отвечал:

– Да хрен их разберешь, ни с того ни с сего, дали два часа на сборы, посадили в БТР, и вот я здесь, даже с пацанами не успел попрощаться...

* * *

*Дежурный автомат – в подразделениях, как правило, было «ничье» оружие, и так как за него никто не отвечал, то за ним не нужно было ухаживать, и оно становилось своеобразным переходным вымпелом, передаваемым от одного дежурного другому. Но «ничьим» оно было условно – это оружие было погибших солдат. Так в 3-м ПТВ у «дежурного автомата» не было откидывающегося приклада, и цевье было разрублено – след от осколка мины.

*РАВ-склад – склад ракетно-артиллерийского вооруже-

ния

*Эфка – оборонительная граната Ф-1

Глава III

Вечером, после отбоя, загрузив тушенку, консервированный сыр и сало в вещевой мешок, Пожидаев, направился в сторону офицерского модуля, где его ждал начальник столовой – капитан Ковалев. В отличие от солдат, проживающих в палатках, офицеры квартировались в модулях – быстрорборные, одноэтажные здания из легких фанерных панелей.

Сергей выполнял «спецзадание», по дополнительному обеспечению закуской командного состава полка, из солдатского резерва, по приказу все того же капитана Коваленко. Питались офицеры тоже, очень даже ничего: своя, отдельная, офицерская столовая, где готовили им пищу вольнонаемные женщины,* неслабая зарплата, позволяющая покупать качественные продукты за чеки* в магазине военторга, да и дулканы* с удовольствием принимали эти самые чеки. Но это нисколько не мешало им залазить, в уже и так в скудный, продуктовый запас полуголодных солдат. Наверное, это одна из причин, почему их солдаты называли – «Шакалами».

Совсем недавно, неделю назад, построили ангар, в котором разместили новую столовую, с паровыми котлами, и наконец-то, повара перешли из походной кухни в стационарную. Выполняя «спецзадание», Сергей не успел отойти и десяти шагов от ангара, как услышал какой-то шелест над го-

ловой, и тут же – бабах! Как ему показалось, взрыв произошел в столовой. «Котел рванул», – почему-то подумал он, и развернулся, чтобы пойти и посмотреть, что произошло... И опять, какой-то шелест в небе, потом, левее от ангара, метрах в тридцати, Сергей увидел всполох огня с искрами, и снова – бабах!. Следом, еще всполох – и,... бабах!... Потом еще, еще и еще...

Только секунд через тридцать, когда прозвучал пятый или шестой взрыв, когда Сергей увидел, как повыскакивали солдаты из палаток, и завывла сирена, до него дошло – это обстрел. Он всюду видел разрывы снарядов, но так и продолжал стоять, повернувшись лицом к столовой, с вещмешком за спиной – его как будто заклинило.

Эти взрывы, возбуждали миндалевидное тело в мозгу, и сознание его наполнилось страхом, который, в свою очередь, запустил работу сердца в режиме отбойного молотка, что невероятно повысило давление и адреналин в крови. Избыточное содержание адреналина в крови, рикошетом подействовали на сознание, и происходящее вокруг, стало казаться каким-то нереальным. Параллельно, страх активировал инстинкт самосохранения, который настойчиво требовал от его костно-мышечной системы, двигательных действий. Только последнее звено в этой цепочке – работа костно-мышечной системы, зависело от воли Сергея, все остальное произошло автоматически, но он упорно не включал ее. У страха есть еще обратная сторона медали: помимо того,

что он подталкивает человека к своему спасению, он же, когда находится на предельных показателях, его и останавливает – сковав волю и разум. В следствии чего, Пожидаев впал в ступор – страх подавил все эмоции и инстинкт самосохранения, нажав в его сознании на кнопку «Delete», и в голове был чистый лист, ... ни одной команды...

Автоматы и пулеметы затрещали на постах, устроив в черной мгле игру красных огней, а он, все также продолжал стоять, лишь, чисто механически, поворачивая голову то вправо, то влево. Конечно же, все это происходило максимум, в течении минуты, но в такие моменты жизни, время останавливается, косвенно подтверждая теорию об его относительности. Для Сергея, столкнувшегося в первый раз с реальной войной, эта минута растянулась до невероятных размеров, вместив в себя целую маленькую жизнь.

Да и раньше бывало такое, и оно, время, тоже могло ползти медленнее самой ленивой черепахи, когда он с другом Колькой ждал окончание урока по «руссязу», чтобы рвануть на перемене в чебуречную. Но то была совсем другая «маленькая жизнь», в которой не было страха, и вместо запаха гари, был весенний аромат плодовых деревьев, бьющий по обонятельным рецепторам, через открытое окно в классе.

В полку творился сплошной хаос: все что-то кричали, куда-то бежали, группами и по одному, причем, по замысловатой, непредсказуемой траектории. Иногда бойцы сталкивались друг с другом, и если б на эту картину можно было бы

взглянуть сверху, то она бы напонила школьный, учебный фильм про Броуновское движение. Вдруг, везде погас свет – дежурному на подстанции, хватило ума дернуть за рубильник, чтоб не подсвечивать цели для духов.

Все же инстинкт самосохранения запустил костно-мышечную систему, и Серый рванул, не зная зачем, в палатку к связистам, к своему знакомому по кличке «Мультик». Ветер засвистел в его ушах, и с этим свистом, влетела первая мысль, с начала обстрела: «Только бы Мультик был в палатке». Зачем он так срочно понадобился ему, в это, так скажем, не очень удобное для встреч время? – Сергей не смог бы дать ответа ни тогда, ни сейчас, по прошествии тридцати лет. С первой мыслью, у него восстановилась способность рассуждать, и пока он бежал, понял, что правильно бежит, вспомнив о кэшеэмке,* которую видел сегодня днем, стоящей возле их палатки. Подбежав к ней, Сергей снял вещмешок с консервами, и долбанул им, что было сил, по броне, прокричав:

– Мультик, ты здесь!? – подкрепив значимость заданного вопроса, еще одним ударом, все тем же вещмешком с консервами.

Вместо ответа, открылся люк десанта, и из него донеслось:

– Давай сюда!

Сергей упрямить себя не стал, и через секунду он уже сидел в кэшеэмке.

– Ты какого хрена стучал? Что, не мог сам залезть? – спро-

сил Мультик Сергею, но тот молчал. – И вообще, почему сюда прибежал, а не в бомбоубежище? – не унимался он, заинтересовавшись неадекватным поведением Пожидаева. Но тот, продолжал молчать, и только прислушивался к взрывам, опустив голову вниз, для чего-то зажав ее с двух сторон руками. Когда в ответ на обстрел полка, начали лупить наши танки и Гиацинты*, то Сергей, повернувшись к Мультику, и смотря на него расширенными от ужаса глазами спросил:

– А это что?...

Все это продолжалось не более двадцати минут, вернее столько времени моджахеды вели огонь по расположению полка, а наши, в обратку, чуть ли не до утра молотили из тяжелых орудий по близлежащим сопкам. Так Сергей впервые «понюхал пороху». В дальнейшем, он увидел, что все молодые солдаты, примерно так же ведут себя, как и он, и столкнувшись первый раз в жизни с войной – делают в штаны от страха. Да и потом, страх никуда не уходит, просто с опытом боевых действий, солдаты научаются с ним бороться, что позволяет им принимать хоть сколь-нибудь осмысленные решения, и как следствие – действия.

* * *

На пару дней раньше Пожидаева, в полк прибыл новый зампотыл*, подполковник Фурса. Первое, с чего он начал свою деятельность – это всех «блатных и расписных», т.е. поваров, кладовщиков, писарей, банщиков и прочую бра-

тию, разместил в отдельной палатке, на прачке, которая была на отшибе. Это Фурса сделал для того, чтоб уменьшить текучку продуктов и военного обмундирования в подразделения, а также пресечь выбивание дедами всяких регалий у писарей, и отменить ночные купания личного состава в офицерских саунах, так сказать начал борьбу с «коррупцией» местного пошиба.

В принципе, все, сколь-нибудь значимые, вновь прибывшие офицеры из Союза, начиная с комбата и выше, в начале, предпринимали усилия по борьбе с анархией в полку. Но побившись, как рыба об лед, на той же заднице и садились, потом, махнув рукой на это дело, они успокаивались, и все шло своим чередом, как и раньше.

Такой поворот был только на руку Пожидаеву. Не пробыв и десяти дней в палатке РМО, он поселился на прачке, среди «блатных», но все так же оставался приписанным к роте материального обеспечения. Отпахав сутки на кухне, теперь он имел один день отдыха, что конечно же, было не возможно в роте – командиры всегда находили чем занять свободные руки, хотя Сергей имел законный выходной. Нельзя конечно сказать, что на прачке были кренделя небесные. Среди «блатной» братии, тоже были дембеля, дедушки и черпаки, но они, не были так сильно обожжены порохом войны как обычная пехота, поэтому такого беспредела, в смысле безумной дедовщины, как в РМО, не было.

1-ый разведвзвод, и 3-я разведрота, были элитой в полку,

и пользовались уважением всего личного состава, включая и офицеров с других подразделений. Они редко участвовали в общевойсковых операциях, а специализировались по уничтожению караванов. По большому счету, только разведка по настоящему воевала, часто входя в прямое столкновение с духами, и как правило, силы противников были примерно равны. Очень часто, единственным преимуществом у разведчиков, была атака из засады и внезапность. Они, уничтожая караваны, поступали точно также, как и моджахеды, которые постоянно жгли наши колонны, неожиданно нападая с выгодных тактических позиций, т.е. разведчики платили духам тою же монетой.

Но иногда караван усиленно охранялся, и в этом случае, разведчикам приходилось туго, ситуация менялась на противоположную, тогда нападение переходило в оборону. Дважды, за службу Пожидаева, полк был поднят по тревоге, чтоб вытащить разведку из передраги, в которую они попали. А общевойсковые операции проходили при подавляющем преимуществе наших войск, с мощной поддержкой с воздуха и артиллерии, что минимизировало наши потери. Что-что, а за потери, которые превышали, определенные в высоких кабинетах максимумы, с офицеров, начиная с младших чинов и заканчивая комдивами, спрашивали, как говорится, по полной.

Когда полк не был в рейде, разведчики не несли караульную службу, и не ходили в наряды по столовой, а как прави-

ло сидели где-нибудь в засаде, или готовились к ней. Только тогда, когда полк уходил в поход, и в расположении оставалось мало личного состава, 1-й разведвзвод вынужденно тянул наряды по столовой, но 3-я разведрота так и держала табу на дежурства и караулы. Именно у разведки, где казалось бы, как нигде, должно было быть боевое братство, когда они чуть ли не еженедельно вступали в столкновение духами, где плечо товарища в бою стоит очень многого, была самая жесткая дедовщина, хотя землячество отсутствовало напрочь.

Землячество – еще один пазл в картине «Война», где его присутствие кажется немыслимым, но он прекрасно в нее вписался, и ни где-нибудь, в полутонах, на втором плане, а в центре, в качестве жирных и четких линий. Он делил на группы, независимо от срока службы и звания: узбеки держались с узбеками, туркмены с туркменами и т.д., но еще, все они, объединялись в одну общую, большую касту – азиаты, аналогично народы Кавказа, а русские, украинцы и белорусы, хоть и были все славяне, но почему-то руководствовались присказкой: «Моя хата с краю – ничего не знаю». Вернее, земляки еще держались вместе, но если ты, к примеру, из Астрахани, а он с Твери, то, как говорить: «Судьбы у нас разные».

В разведке слово «землячество» не существовало в принципе, чужей били всех, не взирая на касту, но ситуация ухудшалась все больше и больше. Дело в том, что некоторые мо-

лодые солдаты, особенно кавказцы, давали серьезный отпор старослужащим, и часто конфликт заканчивался госпиталем для взбунтовавшегося чижики. Было понятно, что так долго продолжаться не может, и чтоб далее не искушать судьбу, командование полка приняло решение брать в разведку только славян. Но и в этом случае произошел инцидент, повлекший за собой расформирование 1-го разведвзвода. Как то так вышло, что на место «отлетавших» чижей, по праву перешедших в черпаки, не пришла замена. Молодые солдаты считали, что они свое «отшуршали», а деды с дембелями не собирались, ни с того ни с сего, делать грязную работу. Старые дембеля 1-го разведвзвода, улетели в Союз, и численно, силы стали примерно равны, и начались массовые драки – стенка на стенку. Эти баталии длились примерно с месяц, никто не хотел уступать, и комполка не видел другого выхода кроме как расформировать его по точкам.* Вот так закончил свое существование 1-й разведвзвод, но это произойдет только через полгода, ну а пока, чижи-разведчики, на «законных основаниях», когда полк был в рейде, ходили в наряд по столовой...

Но рейды вносили сумятицу не только в ряды разведчиков, они устраивали бардак и в поварской среде. Когда полк, пребывал в вместе постоянной дислокации, то на кухне работали повара от всех подразделений. Уходя же в рейд, танкисты забирали своих поваров, саперы своих и так далее, но всегда, кто-то из них, оставлял 3—4 повара, чтоб готовить

пищу для оставшихся бойцов. Неизвестно, с чем это было связано, толи с тем, что все повара стали жить в одной палатке, хотя были приписаны к разным подразделениям, толи, как всегда, армейское головотяпство, вот только в расположении, после убытия полка в поход, остался один повар-чижик – Сергей Пожидаев. Не имея толком опыта работы на кухне, всего пару недель, он был вынужден готовить один, на триста человек. Это были не простые два месяца, когда ему приходилось спать в сутки максимум 4—5 часов. Он забыл дорогу на прачку напрочь, и жил прямо в столовой, в подсобке, так сказать не отходя от производства.

За эти два месяца, Сергей сдружился с чижками из 1-го разведвзвода, которые тоже стали жертвой общевойскового рейда, и были вынуждены ходить через день, в наряд по столовой, предваряя в жизнь, крылатую фразу из военной песни: «За себя, и за того парня». Несмотря на тяжелый ежедневный труд, все они, все же, были мальчишками, и им хотелось забыться от этого безумия которое творилось вокруг них в полку: от этой пахоты, от дедов и дембелей, от шакалов, от войны, которая короткими очередями на постах, и уханьем САУшек, почти каждую ночь напоминала о себе. Им хотелось, на короткое время одеть «розовые очки», и разведчики, часто, после того как заканчивали уборку в столовой, сидели у Сергея у в подсобке, тем самым сокращая драгоценные минуты своего и так короткого сна.

Там они все вместе, оградившись стенами подсобки, пря-

тались от внешнего мира, отключив свой разум дымом чарса или градусами браги, и слушали музыку, убегая в мир мелодий, и хоть что-то светлое освещало их души загнанные в темноту войны. Быть может, с тех пор, Пожидаев так любит слушать музыку, наверное она, на подсознании, в его разуме вызывает какие-то положительные эмоции, как когда-то, в далеком 1986 году. В отличии от Сергея, который полгода пробыл в поварской учебке, и только почитай как месяц в 12-ом Гвардейском, разведчики были из трехмесячных учебок, и как следствие, на три месяца раньше прибыли в часть. За это время пацаны уже не раз побывали в засадах, и их рассказы изумляли Пожидаева. Во многое, о чем рассказывали разведчики, Сергей не верил, хотя не подавал и виду, думая, что брешут, ради красного словца, пуху на себя накидывают, но по прошествии времени, он понял – они где-то, даже сглаживали углы.

* * *

Чарс, из последней засады, когда разведчики, по ошибке, размолотили мирный караван, закончился, и им приходилось, после отбоя, делать вылазки за ним на точку к сарбосам*. Их застава была в двух километрах от расположения полка, нужно только было пройти два поста, и перелезть через колючку*. Посты не были особой проблемой, достаточно было, по возвращении, немного поделиться чарсом, или дать бойцу банку тушенки, или вообще, иногда катило «Спасибо

братан», а в колючей проволоке был проделан лаз. Главное надо было успеть до смены караула, чтоб сменившийся постовой, не принял их за духов, и не начал поливать по ним короткими очередями.

Через месяц, таких «походов», они совсем расслабились, и ходили к сарбосам как к себе домой, даже не брали с собой автоматы. За это время они познакомились с некоторыми из них, и знали по именам, но только вот, все они забыли, сказалась молодость и детская наивность, известную в тех местах присказку: «Афганец днем дехканин*, а ночью – дух».

В часов двенадцать ночи, к Сергею, с радостными криками, в овощной цех, влетел Игорь Алехин и Гера Сарычев, по кличке «Героин». Пожидаев в это время чистил лук, готовясь к завтрашнему дню.

– Игорек урвал десять осветительных ракет, пятидесятки*, теперь у сарбосов можно нормуль ганджибасом* разжиться! – прямо с порога выпалил Героин. – Да бросай ты этот лук нахрен Серый, бери банку сгухи или тушняка, и пошли к духам, – добавил он, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Теперь, как минимум, пару недель не надо будет эти рожи видеть, зуб даю, я за эти ракеты плюху размером с твою шапку у них выцыганю. Гера знал о чем говорил, осветительные ракеты, впрочем как и сигнальные, пользовались повышенным спросом у Афганцев, и неважно кто он, сарбос, дехканин или дуканщик.

– Вот в цвет, у меня как раз бражка поспела, я сегодня пробовал, – как то сразу забыв за гору нечищеного лука, ответил Сергей, и тут-же стал вытирать руки об фартук. Забежав в подсобку они кинули ракеты в мешок из под сахара, Пожидаев сунул в карман банку сгущи и выйдя с ангара они трусцой, втроем, побежали в сторону сарбоской точки. Именно побежали, потому, что надо было успеть накуриться, напиться бражки, послушать музыку, и еще успеть немного поспать, ведь до подъема уже оставалось меньше шести часов.

Сарбоская застава представляла из себя одноэтажное, небольшое глинобитное здание, вокруг которого были вырыты окопы, оно даже не было обнесено дувалом*, как это было обычно принято в Афганистане. Не доходя до него, метров тридцать, ребята увидели охраняющего ее сарбоса, и начали кричать из темноты:

– Шурави*! Як дуст*! Бача*! Чарс! – озвучили они свои скудные знания местного наречия, и в запасе у них оставалось еще пару-тройку слов, не больше.

Сарбос особо никак не отреагировал, и это они приняли на счет того, что паломничество на точку, совершал практически весь полк, превратив ее в своеобразную зону натурального обмена товаром, хотя обычно постовой оживлялся, и проявлял признаки радости, приветливо махая руками. Подойдя к нему, они узнали его, это был их знакомый по имени Анзур. Первый с ним за руку поздоровался Сер-

гей, но Игорь, вместо руки, протянул ему осветительную ракету, которую успел достать из мешка, желая этим обрадовать сарбоса, и вместо «привет», улыбаясь произнес:

– Чарс аст*? – тратя последние резервы своего словарного запаса местного наречия.

Но Анзур вовсе не обрадовался и равнодушно ответил:

– Нест*.

Если б неожиданно, нарушая все законы мироздания, произошло солнце посреди ночи, то это бы меньше удивило Игоря, и он, все еще не веря услышанному повторил:

– Чарс аст? – продолжая улыбаться.

– Нест, – твердо ответил афганец

Улыбка стерлась с лица Алехина, и уже настойчиво Игорь произнес:

– Аст?

– Нест, – также настойчиво ответил Анзур.

Тогда разведчик посмотрел на своих товарищей, в его глазах было недоумение, которое говорило: «Это только я слышу, или все же это происходит?».

– Да брешет эта грязная обезьяна, – поняв его взгляд ответил Героин, – пойдем к ним в избу, что там скажут, – и добавил, уже обращаясь к духу, практически срываясь на крик:

– Где командор?! – как будто бы от силы звука, и искажения слова «командир», зависело понимание его вопроса.

– Командор? – переспросил Анзур.

– Да, командор, обезьяна безмозглая, – уже на тон ниже

ответил Гера, и в его голосе слышалось нетерпение.

– Нест командор, – окончательно испортив всем настроение, ответил сарбос.

Считая разговор законченным, Героин шагнул в сторону глиняной хибары, вслед за ним двинулись Сергей с Игорем. Не ожидавший такой прыти, афганец, на повышенных тонах, запричитал:

– Нест командор, нест командор, ... бад*, хэроуп,* – при этом схватив уходящего Игоря за рукав. Алехин остановился, резко отдернул свою руку, и высвободившись, процедил сквозь зубы:

– Еще раз схватишь меня своими корячками, обезьяна, я из этой ракетницы тебе в рожу выстрелю. Не знал Игорек, что гневаясь, он произнес пророческие слова, которые сбываются быстрее чем через пол часа...

И снова зашагав в сторону развалюхи, они, с растворяющимися очертаниями Анзура, слышали позади себя затихающее: «Нест командор, хэроуп, хэроуп, ...», – как будто ночь, вместе с исчезающим силуэтом сарбоса, также растворяла и его слова.

Ранее ребята никогда не были в этой лачуге, обмен всегда совершался на «нейтральной полосе», и теперь, подойдя к ее дверям, они немного замешкались, не зная, сразу открыть или постучатся. Но знакомый вид двери, она было сколоченная с ящиков из под советских снарядов, придал им уверенности, и толкнув ее, ребята ввалились во внутрь.

Перед ними предстала, совсем небольшая, закопчённая комната, освещаемая керосиновой лампой, которая сильно чадила, т.к. вместо керосина, очевидно, в ней горела солярка; в стене ее черным цветом зияло прямоугольное пятно – вход коридор. Посредине комнаты, из глины, было сделано небольшое, квадратное возвышение, покрытое циновками, на нем сидели два духа; между ними было расстелено что-то вроде платка, на котором стояли медные чашки, наполненные какой-то пищей, в самом центре, стоял закопченный солдатский, дюралюминиевый чайник, принадлежащий когда-то ОКСВА*...

В воздухе повисла пауза. Афганцы пялили из полумрака удивленные глаза на пацанов, в их лицах запечатлелось изумление, что подчеркивала рука одного из них, которая так и застыла с куском лепешки возле открытого рта. В свою очередь, разведчики вместе с Пожидаевым, тоже опешили, вытянули лица и разинули рты, они никак не ожидали увидеть здесь, ночью, вместо сарбосов, гражданских. Духи были облачены в национальные белые шарваль-камизы*, белые широченные штаны, и на головах у них были читрали*, и при плохом освещении, их загорелые, почти черные лица сливались с темнотой, создавая впечатление сидящих приведений, с удивленными глазами. Первым молчание нарушил бесшабашный сибиряк Героин:

– Где командор!? Хайрулла где!? Чарс аст!? – опять, чуть ли не криком выпалил он, как будто знал, что афганцы

туги на ухо. Духи продолжали сверлить глазами из темноты не двигаясь, только рука с куском лаваша опустилась вниз, так и не попав в рот.

– Ракета, чарс, аст? – продолжил допрос Гера, – и выхватил осветительную ракету у Игоря, начал ею описывать замысловатые кренделя в воздухе, перед удивленными глазами «приведений». Афганцы оживились, зашевелились, с лиц исчезло изумление, и они стали негромко о чем то переговариваться между собой, не сводя глаз с пацанов.

– Вот обезьяны тупорылые, – уже негромко продолжил Героин, обращаясь к ребятам, хотя внимательно смотреть на духов, – интересно, где сарбосы, и где Хайрулла? – скорее размышляя вслух, чем спрашивая у кого-то, задумчиво добавил он.

– Аст, аст чарс, – неожиданно, дребезжащим голосом, заговорил один из афганцев. Он поднялся на ноги, и направился к зияющей, черной, прямоугольной дыре, махая рукой ребятам, и приглашая их следовать за ним. Что-то недоброе, тревожное, где-то на задворках сознания, неприятно коснулось души Пожидаева. Толи это было отсутствие знакомых сарбосов, толи то, что афганцы были гражданские, или то, что в их приватном разговоре, между собой, он, интуитивно, услышал какие-то злые нотки. Но видя, как уверенно, вслед за «дрезжащим духом» последовали разведчики, Сергей выбросил из своей головы эту «тихую тревогу», и пошел вслед за ними.

Они тут же пополи в совершенно темный, узкий, длинную не больше трех метров коридор, в конце которого ели теплился свет, и было понятно, что он идет откуда-то снизу. В конце коридора были ступеньки, ведущие вниз, и когда по ним начал спускаться дух, ребята замешкались, и Гера спросил:

– Ты куда обезьяна нас ведешь? – думая, что афганец не понял его, и ведет что то показать, – чарс, дебил, чарс! – добавил он.

– Чарс, чарс, – ответил афганец, и опять поманил рукой.

Опять, эта «тихая тревога», которую Серый казалось прогнал, появилась все там же, на задворках сознания, и опять видя, как Героин стал опускаться вниз, он попытался прогнать ее из своей головы. Но на этот раз она не уходила, а опустилась куда-то вниз, в душу, и не смотря на это предчувствие, Пожидаев пошел вслед за Сарычевым.

Спустившись вниз, они попали в довольно большую комнату, с сильно низким потолком, которая также ели освещалась керосиновой лампой, скорей всего это было бомбоубежище, или просто комната, где спали сарбосы, прячась от жары. По периметру, возле стен, прямо на глиняном полу, на тюфяках, лежали семь духов, и о чем то разговаривали – все они были гражданские. Афганцы тут же вылупились на ребят, и в этих черных глазах было не только удивление – в них явно блестела ненависть. «Дребезжащий», тут же что-то стал им говорить, своим странным голосом, и пока

он говорил, трое из них поднялись со своих тюфяков и сели на корточки. «Тихая тревога» начала разгонять кровь по венам Сергея, которая пульсирующе стала стучаться в его сознание, задавая один единственный вопрос: «Какого хрена мы не взяли автоматы?». Тут в разговор афганца опять вмешался Гера:

– Ракета, – показывая ее духам, – чарс, – но уже он не кричал, и в его голосе не было столько уверенности и наглости, как в начале, в нем чувствовались нотки страха, который вместе с ненавистью, блестящей в черных глазах, проник и к нему в душу. Эти ноты хоть и были ели уловимыми, но они, тут же, холодком, пробежали по спине Пожидаева, и слившись с «тихой тревогой», защемили в сердце, превращаясь в страх.

Краем глаза, Пожидаев увидел, как из полумрака, где были ступеньки, выплывает вороненный ствол – это был дух, который остался наверху. Через секунду показался и он, «вороненный ствол» оказался буром*, который тот сжимал в своих руках. Моджахед улыбался, оголяя желто-коричневые зубы, подобно хищнику, который радуется тому, что его жертва уже никуда не денется. С этим подобием улыбки он произнес:

– Дасти*, шурави, – при этом он махал стволом вверх и вниз, показывая, чтоб они подняли руки вверх. Эта «улыбка», наполненная злостью, и еще чем-то демоническим, тут же дала обильную пищу страху, и он, приобретя неверо-

ятную силу, сковал все члены у Сергея, а в сердце он воткнул свое жало, наполнив его щемящим холодом. Время остановилось...

Пацаны стояли в цепочку, как и вошли: первым стоял Гера, за ним Сергей, и справа от него, рядом с выходом, Игорь, а вороненный ствол, в нескольких сантиметрах, смотрел ему в висок. В руке Сарычев держал ракету, Алехин держал мешок с ними, а у Пожидаева была только банка сгущенки в кармане.

Эта «улыбка» мгновенно заразила других духов, и они тоже «заулыбались», и тоже оголили свои зубы на черных лицах; в комнате началось движение, афганцы как то медленно стали вставать с тюфяков, наверно думая, что пацаны никуда уже не денутся, а может это просто так казалось Сергею. Несмотря на требование моджахеда, никто из пацанов не поднял руки, Сергей может быть и поднял бы их, но они налились свинцом и были не подъемными. Но душман особо и не требовал этого, он лишь только продолжал «улыбаться»...

Сознание Пожидаева, скованное страхом, опять не выдавало никакого решения, в голове крутилось только одно слово: «Пиз... ц». «Дребезжащий» повернулся лицом к нему, в руке у него блеснул нож, и как-то медленно размахивая им, наверно это опять так казалось Сергею, он вкрадчиво продребезжал:

– Шурави, – и тоже «заулыбался»...

В эту секунду Алехин уронил на пол мешок с ракетами, дух с буром перевел свой взгляд на него, и тут-же Игорь ударил рукой по винтовке, ... но промахнулся, афганец, среагировав, поднял ее вверх. Рука, описав дугу, и не встретив никакого сопротивления, еще не успела вернуться в исходное положение, как раздался щелчок затворной рамы – осечка. Моджахед, не ожидавший такого поворота, несколько замешкался, и опустил ствол, пытаясь перезарядить. В это мгновение Алехин ударил его изо всех сил в лицо. Афганец упал на ступеньки навзничь, нелепо раскинув руки, и выронив винтовку – было件нятно, что он потерял сознание.

Одновременно с этим, Героин, наотмашь, тыльной стороной ракеты, заехал в лоб «дребезжащему», который уже положил руку на плечо Пожидаева, и приблизил нож к горлу. Тот, также, вскинув руки вверх, упал на землю, но сразу же начал подыматься, из рассечённого лба, тонкой струйкой по лицу побежала кровь. Остальные афганцы, тот час бросились на мальчишек...

– Лягай суки! – раздался душераздирающий вопль Игоря, поднявшего руку вверх, в которой держал эфку, другую руку он вытянул перед собой, демонстрируя сорванное кольцо. Увидев гранату и услышав вопль разведчика, духи замерли в тех позах, за которыми, застал их крик Алехина.

– Лягай суки! – еще раз проорал он, и начал махать эфкой, угрожая этим, что сейчас бросит ее. Скорее телодвижения Игоря и его интонация, а не смысл сказанного, дали понять

моджахедам твердое намерения разведчика, и по тому как он это делал, у них не было сомнений – он ее бросит... Они, спасая свои шкуры, начали по одному укладываться на пол...

Тут же Сарычев начал скручивать колпачок с ракеты, и схватившись за выпавшее кольцо, он прицелился в лежащего «дребезжащего». Потом, глянув на пацанов, выпалил скороговоркой:

– Как только выстрелю, бежим, – и сразу добавил, – лезть суки!...

Гера промазал, он просто не удержал ракету в руках, она была мощной, и с руки ее пускать было нельзя, только с упора, поэтому, при выстреле, ее конец задрался вверх, а сам огонь ударился в противоположную стену. Отскочив от нее он пролетел жужжа и шипя над головой Пожидаева, и опять ударившись о стену, полетел уже наискосок, в противоположную сторону. Комната наполнилась ослепляющим светом и белым дымом, дальнейшее движение горячей ракеты ребята не видели...

Они, словив «зайчиков», практически на ощупь выбежали в комнату, с которой все началось. Остановившись на секунду, чтоб немного навести «резкость», мальчишки с трудом начали различать друг друга – их лица исказило чрезмерное волнение. Сквозь белые пятна в глазах, Сергей увидел, что в одной руке Алехин держит гранату, в другой бур – он его схватил на автомате. Керосиновая лампа, так и продолжала мирно чадить, закапчивая и так уже черные стены,

и чайник, некогда принадлежавший ОКСВА, так и продолжал мирно стоять, выглядывая из полумрака серым дюралюминием. Не говоря ни слова Игорь развернулся, и через секунду оказался возле светящегося прямоугольного проема – граната полетела в сторону распространяющего света... Как только Гера, на ходу, непонятно зачем, захлопнул за собою дверь – она, тут же распахнулась настежь, скрипнув ржавыми петлями, выпустив наружу остатки ударной волны, би звуки разорвавшейся гранаты...

Все два километра они бежали молча, не оглядываясь, и наверное, побили все свои мыслимые и немыслимые рекорды по скорости. Уже подбегая к нашей колючке, Игорь заметил у себя в руке тяжеленный бур – он просто разжал кисть руки, и английская винтовка растворилась в ночной мгле. Ребята свистнули, как условились, караульному, и перелезши через лаз, направились в сторону расположения полка.

– А бакшиш*, пацаны? – окликнул их постовой. Они остановились. Пожидаев задумался на миг, припоминая, что он обещал бойцу, он совершенно не чувствовал банку сгущенки у себя в кармане, и похлопав по ним руками, махнул ему. Караульный подбежал к ним, и хлопая удивленными глазами, спросил:

– Что с вами мужики? Почему вы такие бледные, и что так тяжело дышите? Что случилось? Я вроде как слышал, что то рвануло где духовская застава. – Сергей молча протянул ему банку сгущи. Постовой взял ее добавив – А чарс есть? –

но Пожидаев уже быстро шагал от него, пытаясь догнать разведчиков...

Войдя в поварскую каморку, Сергей сразу же полез на потолок, там, в заначке, стоял солдатский 12-ти литровый термос с бражкой. Гера принял его у Пожидаева, сразу же, начав разливать брагу по кружкам. Пожидаев, спустившись вниз, схватил кружку, и как только оторвал ее от стеллажа, увидел, что она неконтролируемо стала летать по воздуху, разливая драгоценную жидкость. Когда кружка описала пару-тройку кругов в пространстве, истратив на это больше половины содержимого, Сергей, с криком «Бл..ь!», швырнул ее в стену, и стойкий запах брожения наполнил подсобку.

– Сядь Серый, отдышись, делай глубокие выдохи, успокойся, сейчас попустит, – наставительно-успокоительно сказал ему Гера. Это были первые слова, с тех пор, как он крикнул на духов «Лежать суки!». Выпив кружку залпом и налив себе еще, он добавил: – А откуда взялась граната Игорек?

– Да здесь в коморке взял, на полке лежала, когда ракеты в мешок клали, чисто механически, на всякий, вон там еще РГДшка* лежит, и он указал рукой где отсвечивая цветом хаки лежала граната.

– Ты нам жизни спас, – и ответил Гера.

– Да ладно, – отозвался он, и они замолчали...

Только примерно через час Серого перестало трясти, и он смог выпить первую кружку браги, потом еще одну, потом

еще и еще... Втроем они почти опустошили термос на две трети, но были совершенно трезвы, и за все время не проронили ни слова. Наконец, затянувшееся молчание, прервал Гера, и смачно выругавшись произнес:

– Завтра пойду к взводному, и сравняем этот гадюшник с землей, ни одна падла не уйдет.

– Успокойся Героин, никуда ты не пойдешь, что ты ему скажешь, какого хрена мы там ночью делали? – ответил ему Игорь. – Вот то-то, никуда мы не пойдём, и для всех нас будет лучше, если кроме нас троих, ни одна душа не узнает об этом. Да и сам рассуди, то не духи были. Во-первых, у них из оружия только один бур, да и тот говно, хотя я ему жизнью обязан. Во-вторых, вспомни духов, этих фанатичных придурков, разве моя граната остановила бы их? Да они бы нас порвали бы как Тузик грелку, на лоскуты, на память себе бы резали. Это какие-то залетные дехкане, правда какого хрена они делали на сарбоской точке ночью? А зачем мы им понадобились, это не трудно объяснить, продали бы в банду по сходной цене, или бы изнасиловали, кишки бы на шею намотали, засунув наши гениталии в рот, а может бы в рабы к себе забрали, в общем вариантов уйма, как трех дебилов без оружия наказать.

– А куда делся Анзур, ведь когда мы бежали его на посту не было? – впервые за все это время, заговорил Сергей. Толи бражка ему язык развязала, толи шок, в котором он, на самом деле, до сих пор пребывал, постепенно растворил-

ся в стенах родной коморки, кто знает. Но только когда он вернется домой, ему очень часто будет сниться этот постовой Анзур, и эта «улыбка», «дребезжащего», похожая на улыбку смерти.

– А хрен его знает, – ответил Гера, и добавил, – а ты почему Игорек «Лягай» закричал? – и расхохотался.

– Не знаю, – ответил Алехин, и тоже покотился от смеха. Тут же к ним присоединился Пожидаев. Пацаны не могли успокоиться минут сорок, они плакали от смеха во все глаза, порой задыхаясь от нехватки воздуха, иногда они вроде успокаивались, но потом новый взрыв хохота сотрясал стены подсобки... Стрессу нужно было выйти наружу, и нервная система включила защиту, освобождая ребят от него смехом. А может это их душа радовалась, что они не погибли в страшных муках? Кто знает...

Наконец, еле-еле успокоившись, Игорь серьезно произнес:

– Пора возвращаться в палатку, скоро подъем...

*Вольнонаемные женщины – в состав ограниченного контингента, так же входили и гражданские лица, которые заключали контракт с министерством обороны, для выполнения определенных работ. Вольнонаемные женщины и мужчины в боевых действиях не участвовали, а лишь только помогали военным в жизнеобеспечении 40-й армии. Были востребованы профессии такие как повара, медсестры, врачи, продавцы, строители и многие другие.

* * *

*Чеки – чеки внешпосылторга, своеобразная, параллельная валюта существовавшая в Союзе до 1988г.

*Дукан – название магазина в Афганистане

*Кэшээмка – командно-штабная машина на базе БМП

*Гиацинт – дальнобойная 152мм пушка.

*Зампотыл – заместитель командира полка по тылу

*Точка – застава, обычно состоящая из одного взвода или отделения.

*Сарбос – солдат афганской армии

*Колючка – забор из колючей проволоки

*Дехканин – земледелец, крестьянин

*Пятдесятка – ручная, осветительная ракета, диаметром 50мм

*Ганджибас – гашиш

*Дувал – глинобитная стена

*Шурави – советский солдат

*Як дуст – друг

*Бача – пацан, мальчик, молодой человек

*Нест – нет

*Бад – плохо

*Хероуп – нехорошо

*ОКСВА – ограниченный контингент Советских войск в Афганистане

*Читраль – головной убор

*Шарваль-камиз – длинная, до колен рубаха из грубой ткани

*Бур – английская дальнобойная винтовка, оставшаяся с времен когда Афганистан был английской колонией.

*Дасти – руки вверх

*Бакшиш – подарок

РГДшка – наступательная граната РГД-5

Глава IV

Как только ушли разведчики, Сергей, тут-же отключился, хотя казалось, спать совершенно не хотел, но огромное количество выпитой бражки, хоть и не опьянило его разум, но зато выключило, как будто, кто-то в мозгу дёрнул за не видимый рубильник. Все попытки алкоголя пробиться вглубь сознания Сергея, были безуспешны – нейроны, скованные стрессом, держали мертвую, круговую оборону. По мере усвоения веселящего напитка, с каждой минутой, концентрация спирта в крови увеличивалась, и дойдя до критических показателей, алкоголь, просто чисто физиологически, подавил всякую активность мозга. Что то подобное стало происходить и во внешнем мире, и в сознание Пожидаева, кто-то настойчиво стал пытаться проникнуть, только это уже была не бражка...

Где-то с неделю назад, зампотыл, приказал хранить хлеб в подсобке у Сергея, т.к. хлеборезка часто подвергалась разграблению нарядом по столовой. Как обычно, в пять утра, привезли хлеб из 101 полка, где была своя хлебопекарня, и который находился в пяти километрах от 12-го Гвардейского. Прапорщик Гуляев, на автомате, постучался в подсобку, зная, что там спит Пожидаев. В ответ на первый стук – тишина. Тогда, прапорщик, постучал более настойчиво по двери, косточками пальцев – глухо. В третьё попытке, разбудить

повара, были уже удары кулаком, в сопровождении негромких выкриков: «Сергея вставай! Серый проснись! Открой дверь!» – безмолвие. Четвертый приступ двери, был в виде долбежки её яловым сапогом, кулаками и криками: «Рядовой Пожидаев подъем! Встать! Открой падла!» – тишь да гладь. На пятой попытке, Гуляев вообще озверел, и даже не от того, что сильно хотел спать, т.к. всю ночь прождал в очереди за хлебом, а из-за того, что какой-то чижара, спокойно дрых в коморке, а он, целый прапорщик, заместитель начальника столовой, вынужден тут плясать, возле закрытой двери. Гуляев дубасил по двери рукоятью пистолета, руками и ногами, вопя проклятия и угрозы, призывая в свидетели двух, рядом стоящих солдат, утверждая, что он, все же, откроет подсобку, и убьет Пожидаева, пристрелит как собаку...

Дверь звенела, трещала, стонала, и даже порой казалось как-то поскуливала, но стойчески держала натиск взбешенного прапорщика. Но вдруг, она стала издавать какие то свои звуки: из ее недр четко прозвучал щелчок, потом другой, потом, скрипнув петлями, она открылась...

Гуляев было ринулся во внутрь, и уже наклонил корпус вперед, но вместо этого, он мгновенно отскочил в сторону. Два солдата, с лотками хлеба в руках, наблюдавшие во все глаза за штурмом двери, увидели, как из открывшегося проема вырвалась струя светло-бежевой жидкости, затем, показалась голова Пожидаева, и из нее опять вылетел фонтан, за-

ливая бетонный пол коридора. Следом, повар показался полностью, и даже не нагибаясь, продолжая стоять, под давлением, струей, он изрыгал из себя чистую бражку, о чем свидетельствовал жесткий запах, моментально распространившийся по коридору. Прапорщик, переждав «извержение Везувия», подскочил к Сергею, и со всего маху ударил его в лицо, тот, обратно залетел в коморку, и упав навзничь, тотчас, опять отключился – алкоголь снова взял верх над его сознанием.

– Ну сучара, погоди у меня, – прошипел Гуляев, глядя на спящего Пожидаева. Потом добавил, – заходите, ставьте лотки, а этого положите на кровать. Дождавшись, когда разгрузят весь хлеб, Гуляев закрыл многострадальную дверь подсобки, и зашагал в сторону офицерских модулей, прямо к зампотылу Фурса, пока, «птичка не вылетела из клетки».

Сорвавшись со своей лавочки, где густой аромат цветущих деревьев, только что, наполнял сердце Сергея радостью, он, понесся во весь дух, по каким-то дебрям, кто-то страшный, неведомый, огромный гнался за ним. Он чувствовал на своем затылке его смердящее, теплое дыхание, и как бы он не старался, а оторваться от преследователя никак не мог. Вдруг, дебри еще больше сгустились, ветки стали больно хлестать его по щекам. Сергей пытался защитить свое лицо руками, но жесткие прутья, корявых деревьев, какого-то заколдованного леса, таинственным образом, проходили сквозь блоки, и били все сильнее и больнее, сильнее

и больней, сильней и, ... он проснулся, открыв глаза...

Над ним стоял подполковник Фурса, и отвечивал ему пощечины, пытаясь разбудить, а когда увидел, что Сергей открыл глаза проорал:

– Встать! На губе сгною! Встать!

Пожидаев еще не несколько секунд не понимал, что происходит. Осознав, попытался вскочить на ноги, но его так мотнуло, что он тут-же завалился на стену. В это же миг, оттолкнувшись от нее, и все же поймав равновесие, Сергей постарался встать в стойку «смирно». Подсобка кружила хоро-воды из кастрюль, коробок, мешков и хлеба, и в этой пляске мелькало усатое лицо зампотыла. Потом, эти «усы» стали рывкать семиэтажные маты и угрозы, потрясая перед лицом Сергея солдатским, 12-ти литровым термосом, в котором хлюпались остатки бражки. Это был первый, но далеко не последний «залет» Пожидаева.

* * *

Опять мелькнула знакомая тень в посудомойке, когда Пожидаев проходил мимо нее, и он, войдя в подсобку, спросил Игоря:

– Вы что, отходы не выносили?

– А что? Завтра с утра вынесем, неохота по начухе с ними шарахаться, пока дойдешь до арыка, все ноги себе переломаешь. А что случилось?

– Да ничего, снова «Козленок» парашничает*. Я ему уже

говорил, чтоб приходил вечером ко мне, всегда найду что пожрать, а он за свое. Вкуснее, что ли, эти помои? – ответил Сергей, и уселся на стеллаж.

– Взрывайте*, я сейчас, – сказал Алехин, протягивая Пожидаеву косяк, и выбежал из подсобки.

Не успел Сергей передать сигарету с гашишем Гере, как на пороге коморки появился Игорь, таща за шиворот тощего, высокого парня, в потрепанном, грязном бушлате, в засаленных штанах, и в облезлой зимней шапке. Руки у него были черны и покрыты коростами. Лицо было очень худое и изнеможенное, на котором хлопали, длинными ресницами, огромные глаза, их разделял классический, греческий нос. Было понятно, что если б его отмыть, и откормить, стерев с лица испуг, то он был бы красив собою. Но сейчас, Андрей Козлов, по кличке «Козленок», представлял из себя жалкое зрелище, добавляя к нему, печальный тон какого-то писка, который он издавал, когда его тянул Алехин.

– Козленок, я тебе говорил, чтоб ты не лазил по параше или нет!? – на повышенном тоне, с раздражением, спросил его Сергей, передовая косяк Героину.

Но Андрей молчал, и только затравлено озирался на стоящего сбоку Игоря, ожидая получить от него удар. Алехин дернулся, эмитируя удар – Козлов, пригнув голову, подставил руку, как-то весь изогнулся, скукожился, став в два раза меньше, и издал какой-то грудной, жалобный, не то стон, не то крик, который действительно был похож на бляенье

козленка.

– Да не трогай его Игорек, а то помрет еще сейчас, – сказал Сергей.

– Да нахрен он мне нужен, руки марасть. Козленок, зачем парашу жрешь? Что вкусно?

Андрей продолжал молчать, он лишь только начал интенсивно чесать в районе пояса. Это не ушло от взора Героина, и он, отдавая дымящую сизым дымом наркотика сигарету Алехину, сказал:

– Да у него бэтээры*, он весь чухается.

Игорь, стоящий рядом с Козловым, брезгливо поморщился, и отошел на метр от него спросив:

– Козленок, а когда ты в последний раз мылся или стирался? Что-то от тебя бахчит* не по детски.

В ответ было стабильное молчание, лишь только Андрей стал чаще испуганно озираться на всех, в его обреченных глазах было написано: его будут бить, по любому, это всего лишь, вопрос времени.

– Слушайте, а давайте его помоем, заведем прям в посудомойку, и со шланга. Вода хоть и холодная, но ничего, надо же хоть раз в год мыться, – предложил Пожидаев, принимая косяк. – Козленок, а когда тебе домой? – продолжил он.

– Через четыре месяца, – наконец-то заговорив, ответил Андрей, и его голос оказался неожиданно приятным, вовсе не соответствующий только-что услышанному «блеянью».

– Нифига себе. Да ты дедушка? Ну вот, как раз на четыре

месяца хватит, а перед дембелем, подойдешь ко мне, я тебя еще раз со шланга окачу. Давай, пойдём в посудомойку, я не шучу, – сказал Сергей, и свиснув догорающей пяткой косяка* добавил, – если не хочешь получить пиз... ей, то пойдём.

Козлов развернулся, и направился в сторону посудомойки. Он шел как вол на убой, его опущенные плечи и голова, его походка, говорили о том, что всякая воля у этого человека, уже давно сломлена, всякое достоинство, раздавлено страхом быть избитым, что он движим животным инстинктом самосохранения: хоть что – лишь бы не били. За ним, подтрунивая его, последовали разведчики вместе с Пожидавым.

– Раздевайся, – скомандовал Героин, – только вещи свои складывай вот на тот железный стол, потом помоешь его.

Козлов, даже ни разу не возразив, стал раздеваться. Под ветхим бушлатом, оказалась засаленная, как и штаны, гимнастерка, подворотничок отсутствовал. Естественно, пацаны начали комментировать увиденное, чтоб от человеческого достоинства не осталось и следа. Они, конечно, не понимали, что этими словами, добивают те остатки человека, которые, еще тогда теплились в душе у Андрея.

– Вот, а я уж боялся, что под бушлатом будет чистая ХБшка. Теперь вижу – комплект. Жаль здесь рыбу ловить не где, а то где червей копать я уже знаю, – саркастически улыбаясь сказал Героин. Этой фразой, как он и ожидал, Сары-

чев вызвал взрыв смеха у своих товарищей, которые, подогретые гашишем, только и ждали каких нибуть остроум, чтоб поржать.

Под гимнастеркой, было теплое зимнее белье, серого, местами черного цвета. То тут, то там, на нем были задубелые, бурые пятна.

– А это, что? С расстрелянного товарища снял? – продолжая издеваться, удивленно-вопросительно, спросил Гера... И опять взрыв смеха.

– Да нет Героин, это на случай, если на червя рыба брать не будет, то тут опарышей можешь накопать, – отдышавшись от смеха, вставил свои две копейки Пожидаев, чем вызвал новую волну истерического хохота.

Тем временем, Козлов, молча, с опущенной головой, продолжал раздеваться, и сняв нательную рубаху, он оголил свой торс. Мальчишки непроизвольно отступили на шаг назад, и прекратили смеяться. На исхудалом теле, на котором можно было пересчитать все ребра, повсюду были синяки и кровоподтеки, но не это оттолкнуло пацанов, а зияющие язвы, в районе пояса и подмышек, кишачие бельевыми вшами.

– Твою мать, не хватало еще от Козлика бэтээров подцепить. Может зря мы все это затеяли, пусть трясёт горбом отсюда, а? – разочарованно спросил Игорь. – Я его блин за шиворот брал, – и он брезгливо стал вытирать руку тряпкой, которую взял со стола.

– Нет, продолжим, ты просто близко не походи, – ответил Гера, и добавил, – снимай сапоги и штаны. – Козлов, было хотел присесть, чтоб снять сапоги, но Сарычев выкрикнул – Стоять!

Балансируя на одной ноге Андрей стащил первый сапог.

– Да ты охренел Козлик! – подняв брови, скорее выражая свое удивление, чем претензию выдохнул Пожидаев.

Дело в том, что когда Козлов снял сапог, особой, визуальной, разницы не было – нога была абсолютно черная. Вернее не вся нога, а та часть ноги, где заканчивались галифе – ступня и лодыжка. Портянка на ней почему то отсутствовала.

– А ну снимай второй сапог, – рассматривая ногу, в приказной форме, добавил Сергей.

Вторая нога была такая же. А когда Козлов снял галифе, обнаружилось, что подштанников, как и трусов, на нем нет, и он оказался абсолютно голым. Рассматривая его, пацаны неприязненно кривили губы: голени все в кровавых ссадинах – результат ударов сапогами по кости, в районе паха, также, зияли язвы, по котором бегали потревоженные бельевые вши.

– А как ты спишь в роте Козлик? – удивленно спросил Пожидаев. – Как тебя пускают в палатку?

– Да никак, – вместо Андрея ответил Героин. – Его уже давно не пускают в роту, даже на разводах его нет. Он с утра до вечера на вещевом складе уголь колет, разгружает, перебирает, а где спит, хрен его знает.

– Козлик, где ты спишь? – заинтересовался Сергей. Андрей молчал, опустив голову.

– Козлик где ты спишь? Ты что оглох? – повторил он. Тишина.

– Ты что сука, терпение мое испытываешь? – не унимался обкуренный повар.

Но Козлов продолжал молчать, он лишь прикрыл свои гениталии руками, стесняясь своей наготы, и очевидно, ожидая удара в эту область. Не понимали разведчики, вместе с поваром, что никакие побои не заставят Андрея сказать, где то место, тот островок, в котором он прячется от равнодушных офицеров, от жестоких солдат, от человеческой злобы, издевательств, глумления, садизма, боли... Конечно же, в его убежище не было белых, больших вишневых деревьев, не было шумной компании, беспричинно радующейся своей молодости и беззаботности. На его островке было одиночество, холод и голод, но нем его никто не унижал, никто не бил...

– Ну урод! – выкрикнул Сергей, и подскочив к Козлову ударил его в тощую грудь...

Одновременно, с глухим звуком, от удара, Андрей издал короткий стон, и тут же, накрыл свою худую грудь, двумя руками, похожими на плети. Пожидаев отступил на два шага, и замер... В момент, когда он бил Козлова, их глаза встретились, и Сергей, за это сотую доли секунды, увидел в этих больших глазах, с длинными ресницами, столько челове-

ской боли и страдания, что ему стало как-то не по себе. Это чувство начало бродить в его душе, обращаясь к его состраданию, которое спряталось под опьянением от гашиша, под напускной бравадой, под неписанным законом 12-го Гвардейского полка: «Бей кого не попадя, чтоб тебя уважали».

Это был первый и последний раз, когда Сергей ударил «чмошника»*, да и в последствии, будучи дедушкой, он, ни разу не поднял руки на чижика. Эти огромные глаза, с бездонной человеческой болью, которые безмолвно молили о пощаде так, что никакие слова не могут это выразить, будут потом, долгое время сниться Пожидаеву, вместе с караульным Анзуром и «Дребезжащим».

– Ты что Козлик молчишь, хочешь чтоб я тебя хлопнул? – видя, как почему-то повар смутился, вмешался Игорь. – Если я приложу, в лучшем случае, в груз 300 превратишься, ну, а если карта хреново ляжет, то – в 200.

– Да ладно Игорек, хрен с ним, какая разница, в конце концов, где у него берлога, – борясь с неведомым чувством, вступился за Козлова Сергей. – Давай ополоснем его, сейчас я мыло хозяйственное принесу, а вы пока шланг на кран наденьте.

Когда Гера мыл Козлова со шланга, то Пожидаев, смотря как тот покорно стоит под струей холодной воды, чувствовал, как и прежде, к нему отвращение, но это к этому чувству начала примешиваться жалость и сожаление того, что зря все это он затеял, а больше всего, его угнетало то, что он его

ударил. Вместе с мылом, Сергей принес простынь, и новое нательное белье, правда летнее, наверное, подсознательно, он хотел откупиться за свой поступок. Кинув Андрею это, Пожидаев, в приказном тоне, произнес:

– Простыней вытрешься, потом можешь порвать себе ее на портянки, и нательное одень которое я принес, а свое выкинь.

Андрей покорно сделал как сказал ему повар, и когда одевал засаленное ХБ, то с внутреннего кармана, выпало довольно красивое, кожаное портмоне. Ни ожидая такого увидеть, разведчики, с Сергеем, вылупили глаза на него, а Героин, свиснув произнес:

– Нифига себе, а ну дай посмотреть, – и протянул руку. Но Андрей, подняв кошелек, прижал его к груди, как что-то очень драгоценное для него, смотря на пацанов загнанными, запуганными глазами, которые оставались такими же большими, красивыми, с длинными ресницами. В этом было какое-то несоответствие – физической красоты и духовного уродство, дисгармония, какая-то фальшь происходящего...

– Да не бойся, я посмотрю и отдам, – настаивал Гера, приближаясь к Козлову. Но тот, продолжал прижимать портмоне к груди, при этом отступая назад. – Дай посмотрю, – еще раз повторил разведчик, и в эту же секунду схватив Андрея за запястье, резко вывернул его: бумажник упал, Козлов вскрикнул от боли. Моментально, Героин толкнул его, и тот, растянувшись на мокром бетонном полу,... разведчик поднял

кошелек...

– Отдай пожалуйста, – вставая запричитал Козлов.

– Козлик, посмотрю отдам, а если подойдешь на расстояние вытянутой руки, то получишь по своим козлиным рогам, – и Сарычев стал рассматривать содержимое портмоне. Андрей, в это время, на безопасном расстоянии, не замолкая, ни на секунду, умолял вернуть бумажник.

– Нифига себе, вы только посмотрите, пацаны! – удивленно-восторженно выпалил Гера, и Сергей, с Игорем, заинтересовавшись, подошли к нему. Героин держал в руках несколько фото, на которых была очень красивая, белокурая девушка.

– Вот это номер, Козлик, кто эта нимфа? – спросил Игорь, но Андрей, как будто не слышал его вопроса, и продолжал просить, чтоб ему отдали кошелек. Тут Гера перевернул фото и прочитал: «Моему герою».

– Ого, – только смог вымолвить разведчик, и тут же прочитал надпись на другом фото: «Жду, люблю», потом на следующем: «Осталось 163 дня, но уже завтра будет 162»... Все остальные фотографии были подписаны примерно также. Дочитав Героин спросил Андрея:

– А она не в курсе, что ты по ночам, как собака, парашу жрешь? Что живешь в норе как мышь? Надо ее курсонуть, о твоём «героизме». А ну ка, тут куча писем, и адресок обратный наверное есть, – добавил Сарычев вытаскивая из бумажника аккуратно сложенные письма. Но вместо того, чтоб

прочитать обратный адрес, он достал письмо, и стал читать его в слух: «Здравствуй, мой единственный, мой самый дорогой человек на свете...»

Тут Андрей перестал умолять, сел на корточки, закрыл лицо руками, и заплакал...

Героин прочитал еще пару строк и осекся...

– Ладно, Козлик, на забери свое хозяйство, – и он подошел к нему, тыча в закрытое лицо, портмоне, с вытащенным из него фото и письмами. Но Андрей рук не убирал от своего лица, а только еще сильней заплакал, содрогаясь всем своим исхудалым телом. Разведчик еще постоял так несколько секунд, и бросив бумажник вместе с письмами и фото на стол, отошел в сторону.

А гвардии рядовой, Андрей Козлов уже повалился на спину, и продолжая закрывать свое лицо руками, рыдал все сильней и сильней. Разведчики, вместе с поваром, молча смотрели на него, а он все увеличивал «обороты», и наконец, у него началась истерика. Андрей перестал издавать звуки, убрал руки с лица, и начал колотить ими по бетонному полу, открывая рот, подобно рыбе выкинутой на берег... Так продолжалось секунд 15—20, потом, с его уст сорвался крик:

– А-а-а-а!, Не хочу, не хочу! Не могу больше! А-а-а-а! Как я устал, ... убейте меня, не хочу больше жить!...

– Да ладно Козлик перестань, упокойся, никто не напишет никуда, – буркнул Игорь.

– Козлик заткнись, возьми себя в руки, а то я в натуре тебя

пристрелю, – добавил Героин.

Но Андрей не слышал их, он бился в истерике, как в агонии, уже лежа на животе, продолжая стучать кулаками по бетону, прося своих мучителей прикончить его. Пацаны постояли еще с пару минут, и Пожидаев предложил:

– Ладно, пойдем в подсобку, свернем стингер, по ходу это на долго, – и развернувшись пошел по направлению коморки. За ним молча последовали разведчики.

Прямо в сердце – это был контрольный выстрел, в самую душу Андрея. То святое, чистое, светлое, во всем этом мраке, окружающем его, было только что растоптано и поругано. То, ради чего он все это переносил, перестало существовать, его лавочка, укрытая тенью больших вишневых деревьев – была сожжена... Душу Андрея Козлова, наполнила холодная тьма, страх, безысходность...

Еще минут пять, пацаны слышали крики, доносящиеся с посудомойки, потом, все стихло. Когда они докурили гашиш, Пожидаев, еле шевеля языком в пересохшем рту, с трудом, вымолвил:

– Пойду, посмотрю, что там, – и взяв банку сгухи, и банку тушёнки, пошел в посудомойку. Козлов, всхлипывая, одевал бушлат, при этом он весь трясся.

– На, похаваешь, – протянул Сергей ему банки, но Андрей отвернулся, взял шапку со стола, и направился в выходу. Тут, Пожидаев увидел в мусорном бачке бумажник, и разорванные в мелкие клочья письма и фотографии.

– Ты что Козлик, обалдел? Нафига ты это сделал?! – удивленно спросил Сергей, но Андрей молча шел к выходу. – Стой Козлик, кому говорят стой! – вдогон начал кричать Сергей, но Андрей, уже не слушался, и продолжал идти. Пожидаев услышал как хлопнула входная дверь, потом все стихло...

Он глянул еще раз на мусорный бак, с порванными фотографиями и письмами, подошел к нему, достал портмоне, подумав: «Вот ништяк, мне как раз бумажник нужен, а то таскаю все свои документы в кулечке. Надо только будет его бензином хорошо обработать, чтоб бэтээров не подхватить». Далее, взял швабру, брезгливо морщась, скинул со стола, в мусорный бак, нательную рубаху и простынь...

Через четыре дня, на вещевом складе, где возвышались кучи угля, был найден окоченелый труп Андрея Козлова – он просто замерз. Одет Андрей был в новое, летнее нательное белье, а ХБ, сапоги и бушлат, нашли на другой стороне кучи с углем. Так никто и не узнал, где, все же, он прятался. Сергей, все пытался докопаться, сколько дней он там пролежал? Но толком, так ничего и не узнал. Его, почему-то, очень сильно беспокоило, в ту ли ночь он замерз или нет?...

Потом, по прошествии времени, Сергей понял, когда, в очередной раз, ему снились огромные, красивые глаза, с длинными ресницами, безмолвно молящие о пощаде, что не важно, в какой день замерз Андрей Козлов. Ведь контрольной выстрел, был произведен, там, на посудомойке.

Нет, не духами, а тремя обкуренными чижами, так, ради хохмы, от нечего делать...

Много еще Пожидаев, идя по жизни, сделает, неправильных, плохих поступков, о которых потом будет сожалеть, но этот, хотя уже прошло тридцать лет с тех пор, всегда вызывает в нем наиболее острое желание отмотать все назад. Но время вспять не повернешь, и история не знает сослагательных наклонений, и когда, часто по неведомым причинам, в его голове возникают огромные глаза, то им вторит, давно ставшей хронической, тихая, тупая боль в его сердце...

А бумажник Андрея, Сергей, зачем-то, носил еще много, много лет. Портмоне, от времени, истрепывалось, но он, упорно чинил его, подклеивая и подшивая, хотя давно мог купить себе новый.... Но потом, все же, пронесив его лет пятнадцать, Сергей потерял его. Но как, и при каких обстоятельствах, Пожидаев не имел понятия – бумажник, как в воду канул...

* * *

С еще одним, подобным «выстрелом», Серей столкнулся уже дома. Только в этот раз, не он «жал на курок», но «произведен» он тоже был там, в далеком Афганистане, смертельно ранив его знакомого, и «пуля», засевшая в сердце, убила его через несколько лет...

В военкомате, войдя в кабинет, который ему указали, По-

жидаев столкнулся, нос к носу, со своим старым знакомым, которого знал еще с детства. Тот, получал юбилейную медаль: «70 лет Вооружённых сил СССР», за которой, в общем то, Серега и приперся туда.

– Привет, Толик! Ты что, тоже там был!? – радостно воскликнул Сергей, протягивая руку для приветствия. Но Хмырь – такая кличка была у Толика с детства, особо не обрадовался, и как-то вяло ответил, пожимая протянутую руку:

– Привет, да был.

– А где? – на той же пафосной ноте, продолжил Пожидаев.

– В Шинданте, – все также вяло и сухо, ответил Толик.

– Да ладно, я там в госпитале лежал, да и так, куда был поваром, много раз ездил на продуктовые склады. (В Шинданте дислоцировалась 5-я Гвардейская мотострелковая дивизия, одним из ее полков был – 12-й Гвардейский мотострелковый). А я в Герате служил, в начале поваром, потом в пехоте. А ты кем?

– В артиллерии, ну ладно, мне надо идти, – и Толик, как то пряча глаза, начал протискиваться к двери, проход к которой перегородил Пожидаев.

– Да ты что Хмырь, подожди меня, сейчас я медаль получу, пойдем в парк, пива для рывка хряпнем. Но Толик, совсем смутившись, начал что то бубнить себе под нос, продолжая протискиваться к двери, отстраняя с прохода Сергея. Пожидаев, опешив, от такого поведения, взял за руку Толи-

ка, и слегка дернув за нее спросил:

– Хмырь, да ты что? Что с тобой? – заглядывая ему в глаза.

Но Толик, окончательно оттиснув Пожидаева от двери, выскользнул в коридор, и спешно пошел по нему к выходу. Что-то знакомое показалось Сергею в его походке: незаметная, украдкая, и в то же время быстрая, где-то такое он уже видел. Это неприятно потередило его душу, и он, задумчиво, еще некоторое время смотрел вслед Хмырю, который уже давно исчез из виду...

Динская, относительно небольшая станица, и сверстники, проживающие в ней, как правило, тогда в далеком 1988г, знали друг друга, если не по имени, то визуально, точно. Сергей, по возвращении из Афганистана, вел достаточно бурную жизнь, прожигая молодость, тасовался на всевозможный движухах, посещая разные компании, и отвисая на разных блатхатах, но Толика, Пожидаев не встречал нигде. Когда он спрашивал о нем, никто не знал где он, и никто его не видел.

Шло время, Сергей забыл про Хмыря совсем, тем более, что он был ему просто знакомый из детства. Где-то лет через шесть или семь, с тех пор как Пожидаев вернулся из армии, он, собрав разный мусор из дома, и загрузив его в машину, повез его на свалку, которая была сразу за станицей. Подъехав к ней, он стал выгружать мусор, к нему, как обычно, подбежали ее жители, и сразу же начали перебирать выбрасываемый им хлам. Среди них мелькнуло знакомое лицо. Сер-

гей внимательно всмотрелся в закопчённое, загорелое, худое лицо, и тут-же узнал Толика.

– Хмырь, это ты? – задал он нелепый вопрос, еще не веря увиденному.

– Да, я, – ответил тот.

– А что ты тут делаешь? – еще большую нелепость спросил Пожидаев.

Но Толик, не ответил, и перестав рыться в мусоре, быстро зашагав вглубь свалки. Сергей молча смотрел ему в след... И опять, что-то неуловимо-знакомое, он увидел в быстрой, и в тоже время неприметной походке Толика,... и тут его осенило: точно также, шел Андрей Козлов, тогда, по коридору в столовой...

А примерно через полгода, Пожидаев узнал, что Толик умер, выпив на свалке какую-то гадость – чей-то «выстрел», из далекого Афганистана, все же достиг своей цели, просто «пуля» была «замедленного действия»...

* * *

*Парашничать – есть пищу низкого качества, испорченную или отходы (сленг)

*Взрывать – прикуривать сигарету с наркотиком.

*Бэтээры – бельевые вши.

*Бахчит – воняет

*Пяткой косяка – остаток сигареты, набитой гашишем.

*Чмошник – морально и физически униженный солдат

Глава V

Все же молодость – это круто, когда ничего не болит, даже после страшного перепоя бражкой, только путаются мысли, события и лица, как в песни у Высоцкого: «Ой где был я вчера». Еще один огромный плюс в молодости – это энергия, которая движет человеком, несмотря на все физические, химические и биологические законы. Но, все же, есть допустимый предел и у молодого организма. Наверное, к нему и подошел Сергей в тот день, когда, пошатываясь, он ходил по вагонному цеху...

Уже пошел третий месяц с тех пор, как полк был в рейде, а Пожидаев так и продолжал готовить один на 300 человек. Все его попытки, найти себе подсобника, потерпели фиаско. Он, несколько раз подходил к зампотылу, прося хоть когонибудь себе в помощь, но в ответ только слышал: «Хорошо. Я понял. Скоро будет. Потерпи немного», и тут можно вспомнить другого классика: «Да только воз и ныне там». Тяжелый, ежедневный, физический труд без выходных и проходных; отсутствие нормального сна: три-четыре, максимум пять часов в день; плюс, частое злоупотребление, по ночам с разведчиками чарса и браги, подточили силы Сереги...

Ночью, они «неслабо» посидели с разведкой, нажравшись бражки, шлифанув ее хорошим Пакистанским чарсом, и теперь, Сергей, слабо соображая, что происходит вокруг, пы-

тался приготовить обед. Еще пару недель назад, после такой посиделки, он легко бы прыгал по варочному цеху, но теперь, его «моторесурс» был на исходе: все плыло в глазах, и голова совершенно отказывалась работать. Завтрак, каким-то чудом прошел, хотя он смутно помнил, как он его готовил, да и он, если честно, не пытался этого делать. Раз никакой офицер «не подъехал с предьявами», значит, все прошло нормально.

Вот так, пошатываясь, он шараялся между пятисотлитровыми котлами, смотря мутными глазами на наряд по столовой, что то ему говоря, и одновременно мечтая: «Эх, загаситься бы где нибуть, и проспать суток двое-трое, кряду, не вставая». В его мечты о сне, непрерывно вмешивался свист предохранительного клапана, который истошно шипел и свистел, выпуская струю пара вверх, сбрасывая избыточное давление, кипящего внутри котла, горохового супа.

«Ладно, сейчас дорежу картошку, тогда открою котел, и ты заткнёшься», – мысленно, заговорил Серый с клапаном. «Под давлением быстрее свариться горох, если что. Свисти, хоть засвестись, меня этим не прошибешь», – продолжал он свой диалог, хотя, свистящая железка, вряд ли читала его мысли, и поэтому, не обращая внимания на его аргументы, продолжала выть на весь варочный цех.

Дорезав картофель, и слив воду, с пятидесятилитровой кастрюли, Пожидаев потащил ее волком, по полу, к свистящему котлу. Став на бетонный приступок, он начал снимать

запоры с крышки, намереваясь забросить картофель в суп, и при этом продолжил прерванный «разговор»:

«Ну что, все воешь? – спросил он клапан, и не дожидаясь ответа, добавил. – Ну-ну, ваша песенка спета. Сейчас будет фокус-покус: раз, два, три – закрой свой рот», – и в этот момент, Сергей, открывает последний запор...

Сплошной туман в голове у Пожидаева, застлал в его разуме элементарную вещь, которую он знал как «Отче наш»: когда кипит гороховый суп в котле – то, необходимо, выключить пар, и минут пять, лить холодную воду, на крышку котла, для охлаждения ее, и только тогда, можно, осторожно, открывать. Горох, при варке, имеет свойство повышенного пенообразования, в следствии чего, наружу стремиться вырваться не только пар, но и кипящая вода...

Тяжелая крышка, от бешеного давления, подлетела с огромной скоростью, и из недр котла, словно светло-желтый гейзер, вылетел гороховый суп, залив все вокруг, в том числе, и Пожидаева... Какие-то секунды, Сергей не понимал, что произошло, он так и продолжал стоять на бетонном приступке, но то, что что-то произошло, его затуманенный мозг, все же, осознал. Окинув себя взглядом, и увидев, поднимающийся пар от своего ХБ, и полу разваренные горошины на нем, Сергей понял, что полностью облит кипящим супом. «Немедленно в холодный душ», – это первая мысль, которая осенила его затуманенный разум.

Как спортсмен стартует с низкого старта, после выстрела

судьи, так Пожидаев кинулся от котла, но тут же поскользнулся, и растянулся на бетоном полу. Боль, словно гналась за ним, и как только он упал, она сразу накрыла его, став адской. «Теряю время», – сквозь боль, пронеслось у него в голове, и моментально вскочив на ноги, он снова рванул к душе, ... и вновь упал, на скользкий пол, покрытый гороховым супом, пробежав всего пару шагов. Хотя, было непонятно, зачем он бежал в душ, до которого было метров двадцать пять, плюс, ему нужно было открыть две двери, когда в шаге от котла, был кран с холодной водой, с прикрученным к нему шлангом, для мытья пола. В третий раз он подскочил, уже ничего не понимая, т.к. боль захватила весь его разум, но подсознание врубило его двигательную функцию на полный газ, предав направление в сторону душа. За происходящим, с застывшими лицами, наблюдали два бойца, из наряда по столовой, и когда Сергей, все же, побежал по коридору, то они, почему-то, кинулись за ним.

Влетев в душ, Пожидаев, на автомате, тотчас скинул сапоги, и снял штаны, а гимнастерку он сорвал с себя еще по дороге. Даже при тусклом свете, в мутном зеркале, он увидел, что весь фасад: лицо, грудь, живот, руки и ноги были алого цвета, и только в районе сапог, ноги были по-прежнему белые. Эта картина немного вернуло его к реальности, вырвав его разум из лап боли. «Вроде кожа не слезла», – подумал он, и моментально крутанул вентиль крана...

Говорят спешка нужна только при ловле блох, имея вви-

ду, что в противном случае, она приводит к нежелательным результатам, так вот, это правда – Сергей крутанул вентиль крана горячей воды... Тут можно еще одно наблюдение привести: не всегда плоды цивилизации облегчают жизнь человеку. Хорошо, что тогда еще не был изобретен керамический кран, поэтому струя горячей воды, вырвавшаяся из аэратора, была небольшой, но достаточной, чтоб он вылетел из душевой, наконец открыв уста:

– А-а-а-а, Твою мать!!! – озвучил он свое катапультирование из кабинки, чуть не сбив с ног двух бойцов, которые продолжили свое преследование повара, до самой двери душевой, и стояли возле нее. Ели успев отскочить в стороны, они устали на то, как продолжая орать Серега схватил трусы, и прикрыв ими гениталии, босиком, выскочил из душевой... Застывшие их лица, преобразились в немой вопрос, с оттенком полной растерянности, и наверное, поэтому, дальше преследовать Пожидаева они не решились, боясь, что в следующий раз, их близкая встреча с поваром, может закончиться чем-то похуже.

А Пожидаев, вскочив на улицу, сломя голову понесся в санчасть, но уже без сопровождения звукового оформления. Хоть до санчасти от столовой было всего метров двести, не больше, но все же, этого было достаточно, чтоб к вечеру, в полку, знали все, о том, как голый повар, почему-то алого цвета, босиком, бегал по расположению части. И по этому поводу, тут-же, были сочинены различные небылицы: от то-

го, что у него поехала крыша, до того, что зампотыл застучал повара с поварихой, из офицерской столовой, так сказать, на месте преступления. А она, повариха, была тайной зазнобой самого подполковника... В общем, все зависело от рассказчика, и количества выпитой им бражки или выкуренного чарса.

Медик-лейтенант, вколол Сергею промедол*, потом какое-то седативное средство, чем-то обильно всего намазал, уложив на кровать – через минуту Пожидаев спал мертвым сном. Проспал он аж до вечера. Почему «аж»? Да потому, что «вечера» следующего дня, т.е. полтора суток. Ему повезло, он получил 2-ю степень ожога, хотя в процентном отношении не очень – 60% тела было поражено, но опять же, не критично, лишь местами, у него повылазили волдыри, наполненные какой-то жидкостью.

Да, молодость – это круто, еще и потому, что Сергей быстро восстановился, и ожег, исчезнув со всего тела, не оставил и следа. И нет худа без добра: за те двенадцать дней, что он провалялся в санчасти, Пожидаев наконец-то выспался, но главное – ему дали двух помощников...

* * *

И все пошло своим чередом, в лучших традициях 12-го Гвардейского – Сергей большую часть работы, взвалил на двух новых поваров. Хотя, они были одного призыва и звания с Пожидаевым, но почти три месяца проведенных

на кухне, давали ему авторитет и привилегии, да и сам зам-потыл объявил, вновь прибывшим на кухню, что он будет у них старшим. У рядового Пожидаева появилось свободное время, и это, не ускользнуло от внимания прапорщика Гуляева – хронического алкоголика и стукача, с наклонностями лизоблюда.

Гуляев, имел ярко выраженное пристрастие «сидеть на рации», * и лизнуть всякого, кто хоть немного выше его по званию или должности. Прапорщик, с таким качеством, мог бы подняться до небес, и сидеть где нибуть в дивизии, на центральном складе, под кондиционером, воруя продовольствие КАМАЗами. Но, большая любовь его к горячительным напиткам, как кандалы, держали его возле земли. Хотя должность «заместителя начальника столовой», капитана Ковалева, это тоже, не хухры-мухры, и ее, даже можно сравнить, с «бреющим полетом над землей».

На тот момент, он был прямым командиром Сергея, и в приказном порядке сказал ему вернуться в палатку, на прачку, в общем, он явно не любил Пожидаева, да и вообще, прапорщик ненавидел весь белый свет, и при любом удобном случае, подставлял кого нибудь или напрягал. Пожидаев, платил ему тем же – органически не переваривал Валеру Гуляева. И дело даже не в том, что прапорщик тогда ударил его, когда не мог попасть в подсобку, Сергей этого даже и не помнил, а в том, что в свои восемнадцать, он первый раз в жизни встретил такого подлого человека. Там, в грезах

Пожидаева, под сенью вишен, тоже были ссоры, обиды, драки, но там, все это было «пчесноку», и не было этих интриг, этой низости...

Война, как лакмусовая бумажка, определяет кто есть кто, и как катализатор возводит в степень темные или светлые стороны человека. Из маленьких подлецов, способных на небольшую пакость, она взращивает стервятников, не гнушающихся ни чем, даже человеческой жизнью, для достижения своих, меркантильных целей. И наоборот, из людей, способных делать хорошие дела, она выкристаллизовывает человека с большой буквы, способного действительно на настоящий поступок, вплоть до самопожертвования, ради других.

И когда Сергей, вернувшись домой, в очередной раз, смотрел прекрасный Советский фильм, «Белорусский вокзал», где поют и плачут, встретившись, после долгих лет разлуки, бывшие однополчане, командиры и подчиненные, то он поймал себя на том, что если он встретит, Валеру Гуляева, то как минимум, заедет ему в морду, хотя, с тех пор, прошло почти тридцать лет, и прапорщику далеко уже за шестьдесят...

Гуляев, прекрасно осознавал, чем обернется для Пожидаева его приказ, и речь тут идет вовсе не об армейской дисциплине, а о дедовщине, которая очень хорошо была встроена в военную машину 12-го Гвардейского полка. Хуже всего то, что прапорщик это делал намеренно, типа для профилак-

тики, чтоб не расслаблялся поваренок, как говорится, должен быть порядок: каждый сверчок – знай свой шесток. Просто, подлая натура этого человека, получала моральное удовлетворение, когда кому-то было плохо, и его разум, практически полностью съеденный алкоголем, как у животного, инстинктивно стремился унижать своих подчиненных, чтоб, на ихнем фоне, казаться выше.

Отработав смену, Сергей вернулся в палатку на прачке. Войдя в нее, он, как не в чем не бывало, прошелся по продолу, и сел на свою кровать, на которой не сидел больше двух месяцев. Даже в приглушенном свете, он краем глаза видел, как вытаращив шары из орбит, на него смотрели кладовщики, прачки, писари, банщики и прочая гоп-компания, загазившаяся на отшибе полка.

Вообще-то, войска искренне ненавидели всю эту «гоп-компанию», резонно полагая, что им выпала халява, и все тяготы армейской службы, в боевых условиях, они скинули на них, при этом снимая все сливки от войны. Не секрет, что все писари, кладовщики, банщики, домой возвращались, как минимум, с медалью «За б/з»*; участвуя в разграблении различных складов, вместе со своими командирами, они, неплохо набивали карманы афошками*, и на дембель тащили баулы шмоток не меньше, чем у офицеров. Ежедневное облизывание своих командиров, давала им возможность выезд с ними в Герат, на шопинг в дуканы, что было табу для обычного солдата. Много они еще имели маленьких,

но очень приятных привилегий, которые и не снились какому-нибудь младшему сержанту, стоящему в карауле, на пятидесятиградусной жаре, и глотающему раскаленную пыль поднимаемой Афганцем*.

Но у всей этой братии, абсолютно не было обратной дороги назад – в войсках, их, зачморят по любому, независимо от того, дембель он или чиж, другой вариант, для них, там не был предусмотрен. Вернувшись домой, Сергей увидел, как именно эта публика гнет пальцы, и рвет рубахи на груди, говоря, что мешками свою кровь проливали в Афгане, тыча боевыми медалями, к котором, они, на самом деле, отношения никакого не имеют. А те, кто действительно «хапнул по самое не хочу», предпочитают молчать, и уходить от вопросов на данную тему, лишь иногда, хорошо закинув за воротник, выдавить из себя пару пьяных фраз, и тут-же осечься.

Вот такой ОКСВА наполнял палатку на прачке, и местные старослужащие играли по правилам войск, изображая из себя дембелей, дедов и черпаков, гоня тамошних чижей. В запредельной дедовщине, в полку, была хоть какая-то честность: солдаты, обозленные тяжелыми условиями быта, службы, голодом и войной, вымещали ее на молодых, а тут она была нелепой, и все же вопреки всему – она там была. Повара с кладовщиками совсем недавно примкнули к этой братии, по приказу нового зампотыла Фурса, и их «неприкасаемость» была снята с них, потому, что местная гоп-компа-

ния и так неплохо жила.

– Э-э, ти что, попуталь, кто тебе разрешаль садиться шконар? – вставая с кровати, и направляясь к Пожидаеву, спросил его узбек по имени Назим.

Он был банщиком, дедушкой, и почему-то авторитетом на прачке, хотя, его физические данные были весьма далеки от совершенства. Назим был довольно высок, но узок в плечах, из которых свисали тоненькие руки; его впалая грудь, сразу за диафрагмой, резко переходила в живот, похожий на футбольный мяч, который несуразно торчал, напоминая о голодных детях в Африке; все это увенчивала треугольная голова, приплюснутая в районе затылка. За те две недели, прожитых на прачке, после коих Пожидаев пропал оттуда больше чем на два месяца, он помнил то, как Назим постоянно «делал на бицепс» самодельной гантелей, и сейчас, смотря на него, Серый видел – это ему не помогло.

– Приказ прапорщика Гуляева, вернутся в расположение, – ответил Сергей, прекрасно понимая чем закончиться этот разговор.

– А садиться шконар, тоже приказаль? – приблизившись в плотную к Сергею, и смотря на него сверху вниз, продолжил задавать вопросы узбек.

– Нет, это следствие приказа, – продолжая сидеть, парировал Пожидаев глупый вопрос.

– Что-то я за последние два месяца, даже вонючей банки

рыбных консервов здесь не наблюдал, – вмешался в разговор прачка-Миша, и перевел свое тело на кровати из горизонтального положения в сидячее. – И вместо того, чтоб попросить прощение, за то, что не уделял внимание, поварешка умничает. На что это похоже Назим?

Вместо ответа, банщик со всего маху, почему то ладонью, отвесил оплеуху Пожидаеву. Искры полетели из глаз у Сереги, и тут-же зазвенело в ухе. Еще два месяца назад, при подобном раскладе, он бы инстинктивно подставлял бы руки, пытаясь уйти от удара, или прикрывал бы ими наиболее уязвимые места. Но что-то умерло у него внутри, тогда, на сарбосовской точке, или наоборот, что-то родилось, и он, из положения сидя, оттолкнувшись, ногами от пола, дал головой в этот «футбольный мяч». Назим, ударившись своим плоским затылком, о верхнюю кровать пальмы, стоящей напротив, завалился навзничь на нее. В одно мгновение Серый запрыгнул сверху на банщика, и сидя на нем, начал покрывать его градом ударов, но чей-то тяжелый кулак снес его с узбека, падая он сгруппировался, приняв позу «калачика», чтоб не покалечили, и не изуродовали лицо....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.